

**ПАМЯТНИКИ
И С Т О Р И И
И К У Л Ъ Т У Р Ы
ДАГЕСТАНА:
сборник статей
КНИГА ВТОРАЯ**

***Посвящается 100-летнему юбилею
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук***

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ,
КУЛЬТУРЫ И АРХИТЕКТУРЫ

**ПАМЯТНИКИ
И С Т О Р И И
И КУЛЬТУРЫ
ДАГЕСТАНА:
СБОРНИК СТАТЕЙ.
КНИГА ВТОРАЯ**

Махачкала, 2024

ББК 63.3 (2Р-6Д)

УДК 94 (470.67)

П15

Рекомендовано к публикации решением научно-методического совета
Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан
от 7 ноября 2024 г.

Рецензируемое научное издание.

Рецензенты:

Гаджиев Р.И., руководитель Республиканского центра охраны памятников истории, культуры и архитектуры, кандидат исторических наук;
Магарамов Ш.А., директор Профессионально-педагогического колледжа Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова, кандидат исторических наук;
Магомедова З.А., старший научный сотрудник отдела востоковедения ИИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук;
Саидов В.А., научный сотрудник отдела археологии ИИАЭ ДФИЦ РАН, заведующий Музеем археологии и этнографии ИИАЭ ДФИЦ РАН.

ISBN

П15 Памятники истории и культуры Дагестана: сборник статей. Книга вторая / предисловие – Абдулмуслимов А.М., составитель и ответственный редактор – Мусаев М.А. Махачка.

instituteofhistory.ru

В данном сборнике представлены образцы изучения отдельных объектов культурного наследия, расположенных в Дагестане, – памятников истории, архитектуры, археологии, искусства, погребальной культуры. Издание предназначено для специалистов по истории Восточного Кавказа, а также широкой читательской аудитории, интересующейся историческим прошлым региона.

ББК 63.3 (2Р-6Д)
УДК 94 (470.67)

ISBN

© ГБУ РД РЦОПИК
© ДФИЦ РАН
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Атаев Г. Д.,

Ахундов Т. И.

Святынища и культовые места как источник по изучению идеологических представлений населения Дагестана эпохи ранней и средней бронзы..... 7

Гаджиев М.С.,

Дунцов А.Н.

Новооткрытые среднеперсидские надписи амаргара Дариуша в Дербенте 31

Гмыря Л.Б.

Проблемы интерпретации раннесредневекового комплекса инженерных сооружений на р. Рубас (Восточный Кавказ): оборонительный объект или гидроузел?..... 45

Хапизов Ш.М.

К вопросу о датировке Датунского храма..... 66

Мусаев М.А.,

Шихалиев Ш.Ш.,

Шехмагомедов М.Г.

Эпиграфические диски и рельефы всадников с надмогильных стел фамильного кладбища кайтагских правителей..... 80

Мусаев М.А.,

Магомедов М.Г.

Датировка надмогильных памятников по изображениям оружия (на примере изучения стел кладбища поселения Сулевкент) 100

Сведения об авторах статей сборника..... 108

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие друзья!

Данный сборник научных статей посвящен **100-летнему юбилею Института истории, археологии и этнографии** Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Сегодня это один из крупнейших и ведущих гуманитарных научных институтов юга страны, один из лидеров отечественного кавказоведения.

Во все времена история пользовалась вниманием общества, но наибольший всплеск интереса отмечался на переломных этапах его развития – в периоды социальных трансформаций. После установления в Дагестане Советской власти и провозглашения автономии перед молодой республикой, не успевшей еще преодолеть разрушительные последствия Гражданской войны, стояли труднейшие задачи, как по формированию новой экономики, так и культурному развитию края. Эти две взаимосвязанные проблемы, одна труднее другой, решались руководством республики системно и масштабно, с расчетом на перспективу. Одним из основных элементов в деле развития науки и культуры в Стране Гор стало учреждение в 1924 г. Дагестанского научно-исследовательского института. Он создавался как комплексный, многопрофильный исследовательский центр, который в условиях отсутствия иных научных институций, призван был взять на себя функции организации всех изыскательских работ в регионе. В дальнейшем этот институт дал жизнь академическим учреждениям – Институту языка, литературы и искусства имени Гамзата Цадасы и Институту истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

За годы существования Института истории, археологии и этнографии ученые подготовили множество фундаментальных трудов по отдельным проблемам истории региона, академические издания истории Дагестана, и самое главное – выстроили стройную и взаимосвязанную научную картину развития региона с древнейших времен до сегодняшних дней.

С Институтом связана деятельность личностей, внесших весомый вклад в развитие Дагестана, ученых и организаторов науки – Расула Магомедовича Магомедова и Гаджиали Данияловича Даниялова, историков – Владилена Гадисовича Гаджиева и Амри Рзаевича Шихсаидова, этнографов – Сакинат Шихамедовны Гаджиевой и Мамайхана Агларовича Агларова, археологов – Владимира Герасимовича Котовича и Магомеда Гаджиевича Гаджиева. Этим выдающимся соотечественникам принадлежит заслуга выявления и изучения многих известных памятников истории Дагестана. Сегодня поиск и исследование осуществляются их учениками и учениками их учеников. Ученые института уделяли и уделяют пристальное внимание изучению объектов культурного наследия. С некоторыми из их исследований последних лет можно ознакомиться на страницах данного сборника статей. Ранее они были опубликованы в электронном формате в ведущем мировом кавказоведческом журнале «История, археология и этнография Кавказа», учрежденном Институтом-юбиларом. Из статей можно узнать о новых надписях на среднеперсидском языке, выявленных в древнем Дербенте, о результатах археологического исследования обнаруженного недавно масштабного сооружения у р. Рубас, о прекрасных памятниках камнерезного искусства в Кала-Корейше, о методах датировки надгробных памятников по изображениям, нанесенным на них, о датировке Датунского христианского храма, расположенного в Шамильском районе, о дагестанских святилищах эпохи бронзы и реконструкции идеологических представлениях местного населения на основе их изучения.

Дагестанскими и другими отечественными специалистами сделано многое для изучения памятников края, тем не менее большое число памятников истории и культуры все еще ждет своего исследователя. В том, что не все они изучены, скорее «вина» не ученых, а наших предков, – оставивших столь значительное историко-культурное наследие. На сегодняшний день в Единый государственный реестр объектов культурного наследия внесены и находятся под государственной охраной 8709 памятников, из них 1952 федерального значения, 4443 регионального значения, 10 – муниципального, еще 2304 относятся к категории выявленных. Практика работы показывает, что огромное количество памятников еще может быть отнесено к объектам культурного наследия,

а часть их, ныне относящаяся к памятникам регионального значения, уникальна и исключительна, обладает универсальной ценностью для настоящих и будущих поколений нашей страны и может быть отнесена впоследствии к памятникам федерального значения.

Дорогие друзья! Поздравляю дагестанских ученых-историков и все научное сообщество со 100-летием Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, желаю плодотворной работы и выдающихся результатов! Надеюсь, коллектив ученых института продолжит уделять внимание исследованию региональных памятников истории и культуры. Это дело государственной важности, так как научная работа является основой не только в выявлении памятников для их последующей охраны, но и в мероприятиях по их сохранению.

*С уважением,
Абдулмуслимов А.М.
Председатель Правительства
Республики Дагестан*

Атаев Г. Д.,

Ахундов Т. И.

СВЯТИЛИЩА И КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Идеологические представления местного населения исследовались на основе погребальных и бытовых памятников, святилищ, наскальных изображений и различных предметов культа. Исследователями освещались различные вопросы, связанные с погребальными обрядами, а также со многими верованиями и культурами, среди которых главное место занимали вопросы, посвященные заупокойным ритуалам. Изучение указанных верований и культов свидетельствует об их разнообразии и сложном характере. Наиболее распространены у населения рассматриваемого региона была вера в загробный мир и связанные с ними культы: культы предков, огня и солнца, земледельческие культы, культы животных и плодородия. Необходимо обратить внимание на то, что всевозможные культы местных племен часто переплетались друг с другом. Так, часто представления древних людей о загробной жизни взаимосвязаны с астральными верованиями, а также аграрные культы с астральными. Несмотря на то, что вера в загробную жизнь занимала значительное место в верованиях населения Дагестана в эпоху ранней средней бронзы, тем не менее следует подчеркнуть, что они не ограничивались заупокойным ритуалом. О сложности верований у местных племен в эпоху средней бронзы свидетельствуют многочисленные памятники, которые, по мнению ряда исследователей, являются также и произведениями древнего искусства. К ним, в первую очередь, следует отнести антропоморфную и зооморфную пластику, наскальные изображения, культовые предметы, орнаментированную керамику и т.д., в которых отразились различные идеологические представления населения Дагестана рассматриваемого времени. Настоящая статья посвящена изучению святилищ и культовых мест Дагестана, анализ которых позволяет составить представление о верованиях и культах местного населения

в эпоху ранней и средней бронзы. Памятники эпохи ранней бронзы Кавказа дают уже гораздо больше свидетельств отправления культов и религиозной обрядности. В различных районах Кавказа выявлены святилища с их сложной ритуальной обстановкой. Образ быка продолжал быть одним из главных божеств пантеона культа плодородия. Следы его почитания засвидетельствованы в виде переносных «рогатых» алтарей, распространенных в широком ареале кавказско-малоазийско-средиземноморских культур как в виде бычьих масок, так и в виде фигурок бычков [1, с. 161–166]. Большинство из них, по всей видимости, применялись и в домашних святилищах, около очагов, где справлялась обрядность на семейном уровне. Быку-производителю, как считают исследователи, посвящено одно из помещений святилища Катналихеви с его крестообразным алтарем, украшенным головами быков. Это святилище было посвящено, по предположению К.Х. Кушнаревой, богине плодородия Великой Матери Нана, символизирующей солнце, и через нее бык оказывался непосредственно сопричастным солнечному культу [2, с. 56].

Специальные святилища известны в эпоху ранней бронзы и в Дагестане, как на территории поселений, так и за их пределами. Представляют интерес для нашей темы остатки одного из помещений в раскопе № 6 на поселении Галгалатли I у сел. Гагатль Ботлихского района. Помещение находилось на гребне горы, выше по склону всех остальных построек поселения, и отличалось от остальных домостроений крупными размерами (8 м в диаметре) [3, с. 221]. Вдоль его задней стены была сооружена лавка, сверху и сбоку тщательно обмазанная глиной. М.Г. Гаджиев писал, что по краю лавки внутрь помещения выступал глиняный бортик, который был украшен символическим изображением в виде буквы «М» из тройных желобков, которое ограничено тремя вертикальными желобками, расположенными с обеих сторон. Все изображение было покрашено в красный цвет¹ [3, с. 221] (рис. 1, 2, 3). Аналогичные изображения найдены на крупных сосудах-хранилищах Чиркейского поселения (Тад-Шоб). Подобного рода изображения со спиральными завитками в орнаментации керамики и культовых очагов эпохи ранней бронзы известны в Закавказье [4, с. 108–109, табл. XIX–XXII; 1, с. 166–167]. Такими же знаками украшен один из крупных центральных очагов из жилища № 3 Сигитминского поселения конца эпохи ранней бронзы, верхние края которого были украшены симметрично расположенными выступами в виде четырех стилизованных рогов барана и четырех рельефных

¹ Гаджиев М.Г. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1968 г. // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. С. 16–21, рис. 12–17.

кружков, также симметрично расположенными в виде буквы «М», трезубца или якорька [5, с. 10–11; 6, с. 14, рис. 3]. На всей площади помещения встречались большие, тонкие каменные плиты, под ними остатки обгоревших балок, лежавших друг на друге. По-видимому, балки и каменные плиты были остатками плоской кровли помещения. Помимо основной стены в северо-западной части помещения выявлена дополнительная пристройка к ней. Она располагалась перпендикулярно к основной стене помещения. Пространство помещения к северу от этой перегородки было заполнено землей и содержало много золы и угля. М.Г. Гаджиев считает, что на каком-то этапе существования помещения с помощью указанной стенки-перегородки здесь был образован уголок хозяйственного кухонного назначения². В 2,20 м к юго-западу от лавки обнаружен углубленный в землю круглый очаг (диаметр – 0,50 м, глубина – 0,30 м). Между очагом и лавкой лежала шестиугольная каменная плита (рис. 1, 2, 4, 1). Плитами обычно закрывались большие сосуды-хранилища. У очага найдены обломки двух цилиндрических очажных подставок с горизонтальными отверстиями в середине (Рис. 4, 2,3), обломки глиняной жаровни (Рис. 4, 6), а также обломки оригинальной глиняной поделки. Восстановлена ее боковая часть. Это четырехугольный сосуд с роговидными выступами на лицевой стороне, где имеется имитация глаза в виде круглой выемки. На боковой стороне ручка в виде горизонтального выступа (Рис. 4, 5а, 5б). Назначение изделия не совсем ясно. Судя по обжигу, оно подвергалось воздействию огня, что позволяет предположить его использование в качестве курильницы³. В помещении найдено много фрагментов керамики, ромбовидный клинок ножа из бронзы, два песта и обломки двух зернотерок. Описанное помещение отличается от других помещений поселения более тщательной внутренней отделкой. Стенки сложены из ровных камней, аккуратно. Лавка, как указывалось выше, на всем протяжении тщательно замазана глиной (Рис. 1, 2). Своеобразие данного помещения в раскопе № 6 с символическими культовыми изображениями на поселении Галгаллатли I, по мнению М.Г. Гаджиева, позволяет считать возможным его использование в качестве культового здания для всей общины [3, с. 221]. На территории Дагестана выявлены и специальные культовые места с большим количеством наскальных изображений. Они находятся у выходов скал с ровными поверхностями, служившие своеобразным полотном. Для Дагестана характерны две группы наскальных изображений, нанесенные красками (писаницы), охрой

² Там же. С. 17, рис. 12–14.

³ Гаджиев М.Г. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1968 г. // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. С. 18–19, рис. 14–15.

разных оттенков от желтого до красно-коричневого и выбитые в скалах (гравировки). Первые обнаружены в горных районах Дагестана и считаются древнейшими, вторые в предгорных районах, где их выбивали точечными ударами или процарапывали острым орудием [7, с. 29–49; 8, с. 28–36; 9, с. 144–154; 10, с. 7–18]. Основная масса наскальных изображений расположена в горных районах [7, с. 29–48; 11, с. 4–90; 12, с. 24, 61, 64, табл. 17, 18; 13; 14, с. 88–111]. Исключения составляют изображения у селений Кули, Варай, Верхнее Лабкомахи, где найдены процарапанные петроглифы. Многие наскальные изображения горного Дагестана находятся недалеко от древних памятников с производящим хозяйством. Писаницы горного Дагестана отражают идеологические представления ранних земледельцев и скотоводов. Значительные изменения в искусстве происходят в эпохи энеолита и бронзы, когда утверждаются новые формы передачи изображения, возникают сюжеты, переплетенные с аграрными культами и с культом плодородия. Перемены происходят и в смысловом содержании, что приводит к увеличению символизма, господству схематических изображений. В предгорных районах Дагестана наскальные изображения открыты и изучены у селений Верхний Чирюрт, Капчугай, Ленинкент, Буглен, Манас-аул, Кумторкала, Уйташ, в районе г. Буйнакск, в бассейне реки Самур и в других местах [15, с. 147–162; 10, с. 28–196; 16, с. 175–180; 17, с. 223–225; 18, с. 58–59; 19, с. 80–81; 20]. Основными сюжетными циклами писаниц горного Дагестана являются солярные, охотничьи, аграрные и всаднические, причем заметное место в них принадлежит сюжетам аграрного цикла [7, с. 41–46]. Интерес представляют древнейшие изображения из Харитани I, относящиеся к сюжетам аграрного цикла. Здесь открыты рисунки с изображением фигур в позе адорации (с приподнятыми руками) и в окружении крупного рогатого скота [8, с. 29]. Люди одеты в конусовидные клетчатые одежды типа юбок. Они находят ближайшие аналогии, по мнению В.М. Котович, с женскими божествами на стенках неолитического святилища в Чатал-Гуюке, где антропоморфные схематические фигуры женского божества в позе адорации также окружены изображениями быков с подчеркнутыми рогами или бычьих голов, оленей, кошачьих хищников [21, с. 5]. На росписях Харитани I антропоморфные изображения указывают об изменениях в идеологии у раннеземледельческого населения, выразившихся в антропоморфизации основных божеств и, в частности, женского божества. «В образе быка олицетворялось мужское начало, символизирующее источник плодородия» [8, с. 30]. Крупные размеры основной антропоморфной фигуры подчеркивали, как полагает В.М. Кото-

вич, ее особое положение, и особый ранг среди божеств. Находки женских глиняных статуэток в позе «оранта» на памятниках эпохи ранней бронзы в Дагестане также свидетельствуют об их культовой принадлежности. Их считают изображениями женских божеств, отражающих идею плодородия. В хаританинских росписях вокруг богини плодородия расположены быки, кошачьи хищники, змеи, олени. Основным является образ быка с подчеркнутыми рогами, который олицетворяет плодоносящее начало, источник плодородия. О дальнейшем развитии культа быка в Дагестане в эпоху раннего металла свидетельствуют находки фигуры быка, изображений рогов – букраний. С культом быка следует связать также изображения букраний на бортике лавки одного из помещений в раскопе № 6 из поселения Галгалатли I и на очаге из помещения № 3 Сигитминского поселения. Интерес представляют две глиняные фигурки быков из обожжённой глины, обнаруженных в нижнем слое верхнегунибского поселения [22, с. 169–170, рис. 52, 1, 2]. Фигурки красно-коричневого цвета, поверхность их тщательно залощена. Подобные зооморфные фигурки имеют культовое значение и являются ярким свидетельством почитания быка у племен, живших в широком ареале бытования раннеземледельческих культур [22, с. 169–170]. С культом быка следует связывать и находку фигурки быка из обожжённой глины поселения эпохи средней бронзы Саадикатар в Чечне, обнаруживающую близость в верхнегунибскими [23, с. 72-74, рис. 1-5]. Почитание быка у ранних земледельцев тесно переплетается со всевозможными земледельческими культами, что нашло яркое отражение в верованиях племен, как Кавказа, так и населения обширного ареала раннеземледельческих культур. Представляет интерес изображение быков на бронзовом поясе из могильника Самтавро. Изображения быков на поясе, по мнению Н.А. Урушадзе, свидетельствуют о почитании быка, выраженном отдельными актами сложного и растянутого во времени аграрного цикла. Бронзовый пояс из Самтавро условно передает образы «быка-пахаря», «быка-сеятеля», «быка собирателя урожая» [24, с. 67].

Развитие аграрных культов запечатлено и в Верхнегунибском поселении на «листах для выпечки ритуального хлеба с магическими изображениями культовой распашки поля» [22, с. 160–169]. Здесь прослеживается два мотива, один представлен концентрическими окружностями и спиралями, другой – роговидными налепами в сочетании с рядами параллельных линий. Первый мотив раскрывает солнечные символы, являющиеся отражением широко распространенных в первобытных верованиях древних земледельцев космогонических

культов, в частности, культа солнца. Сюжет второго орнаментального мотива интерпретируется как схематическое изображение сцены пахоты. При этом двойные роговидные налесты истолковываются как букрании – символы парной запряжки быков, а ряды параллельных линий – как пашня. Совместное изображение быков и пахоты, по мнению В.М. Котович, отражает обрядовую сцену проведения первой борозды, а сюжеты рельефов из Верхнегунибского поселения раскрывают истоки одного из древнейших аграрных культов у горцев Дагестана и ту исключительную роль, которое играло в нем почитание быка [22, с. 163–165]. Украшение ритуальных штампов с изображением бычьих рогов сохранилось и до настоящего времени у населения Гидатлинской долины [25, с. 15–40]. Важным является тот факт, что эти штампы имеют роговидные налесты, обнаруживающие большую близость с изображениями букраний на рельефах из Верхнегунибского поселения. Традиция украшения глиняными рельефами небольших участков стены и пристенного очага сохранилась у народов Дагестана до современной действительности [4, с. 69–70, рис. 14]. Одним из сложных и интересных представлений ранних земледельцев является зафиксированное в сел. Кара Лакского района и отражающее довольно развитую способность к абстрактному мышлению представление о жизни, выраженное в близком земледельцу образе дерева. Этот культ, по мнению В.М. Котович, оказал определенное влияние и на развитие других культов, проявившееся в изменении солярных символов, передаваемых в образе оленя [8, с. 32]. Весьма значительно представлена в писаницах и солярная символика, которая заметно усложняется в эпоху энеолита и бронзы. Наряду со схематическими, выполненными точками, изображениями солнца в виде простых окружностей с крестом в центре, как считает В.М. Котович, появляются и «новые символы, нередко взятые из реальной действительности, но олицетворяющие все те же солярные представления. Например, солнечная ладья – образ, происхождение которого связано с Древним Египтом, распространившийся по всей Евразии, олень с широко раскинутыми рогами – реплика представлению об олене – золотые рога, одном из символов солнца, козлы в окружении множества точечных знаков, орел – один из устойчивых символов солнца, а также конь [19, с. 7]. Все эти животные у горных народов наделялись солярной символикой. Манера изображения животных находит аналогии в орнаментации керамики раннеземледельческого населения Передней и Средней Азии. Сюжеты аграрного цикла делятся на два вида: первый повторяет раннеземледельческую символику, второй воспроизводит бытовые сцены. Бытовые сцены показывают разные

стороны труда земледельцев: пахоту, молотьбу, засевание поля, служившие основной идее обеспечения плодородия земли посредством магии [8, с. 31]. К культовому сооружению-святилищу можно отнести и выявленное нами в 2003–2004 гг. на Ирганайском поселении I каменное сооружение овальной формы [27, с. 58–76]. Открытие его на Ирганайском поселении I открывает новые перспективы в изучении проблемы генезиса и развития архитектуры и в горной зоне Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней и начальный период эпохи поздней бронзы. Хотя данное каменное помещение овальной формы до конца не раскопано, а только оконтурена его основная часть, тем не менее можно утверждать, что на Ирганайском поселении I наряду с прямоугольными постройками бытуют и каменные помещения овальной конструкции, которые сохранились в пережиточной форме как элемент архитектурно-строительной традиции, характерный для поселений эпохи ранней бронзы (рис. 5, 6). Это свидетельствует о том, что нельзя однозначно утверждать о полной смене каменных построек круглой или овальной формы прямоугольными на рубеже эпох ранней и средней бронзы в горном Дагестане и повсеместном распространении здесь прямоугольных жилищ на бытовых памятниках эпохи средней бронзы [21, с. 99; 27, с. 108; 3, 172–176; 28, с. 46, 49, 53]. Помимо Ирганайского поселения I в эпоху средней бронзы каменные жилища овальные в плане или прямоугольные с закругленными углами выявлены и на других памятниках: на поселении Галгалатли II в помещении № 1 открыта стена прямоугольной формы, но юго-западный угол был закругленным, северная стенка разрушена в результате обрыва, а помещение № 2 было прямоугольной формы, но также с закругленными углами. На Нижнесигитминском поселении конца эпохи средней и начала поздней бронзы в результате раскопок были выявлены многокамерные жилые сооружения. Сооружения имели до пяти помещений округлой и квадратной формы площадью от 5 до 32 кв. м.⁴

Выявленное в 2003–2004 гг. на Ирганайском поселении I каменное сооружение овальной формы следует рассматривать как культовое сооружение святилище. Каменное помещение имело форму удлиненного овала (рис. 5, 6). Внутри каменного помещения овальной формы на материке были выявлены два очага открытого типа и две ямы. Очаг, найденный в 2004 г., был овальной формы. Размеры очага:

⁴ Брадэ К.А. Отчет о раскопках археологических памятников га г. Сигитма в 1956 г. // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2551; Брадэ К.А. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижнем Сигитминском поселении и городище, а также разведках в прибрежных полосах низовьев Сулака // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. С. 101–105; Брадэ К.А., 1959. С. 25–26.

длина – 110 см, ширина – 40 см, глубина – 23 см. Наибольший диаметр – 110 см. Интерес представляют находившиеся недалеко от очага две ямы. В одной из ям найдена тонкая сланцевая плита, которой была обложена стенка. И очаг, и ямы были заполнены мягкой золистой землёй и угольками, где обнаружены также обгорелые кости животных и несколько фрагментов керамики. Интерес представляет тот факт, что внутри помещения выявлены очаги, но в то же время совершенно отсутствовали какие-либо археологические находки. С другой стороны, в рядом расположенных помещениях к северу, востоку и западу от него выявлен значительный материал. Отсутствие каких-либо находок в помещении, выявление двух очагов, а также необычность формы каменного помещения, нахождение его примерно в центральной части Ирганайского поселения I в окружении сооружений прямоугольной формы, может свидетельствовать о его культовом характере. Оно могло использоваться местным населением для совершения молений и отправления различных религиозных обрядов и служить святилищем. Дальнейшее выявление каменных жилищ круглой и овальной форм говорит о перспективности будущих исследований поселений горного Дагестана. Они могут прояснить многие вопросы, связанные с эволюцией поселений и жилищ в горной части Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы.

В предгорной зоне Дагестана В.И. Марковиным выявлено культовое место – святилище местных племен эпохи средней бронзы у хутора Чиркутан [10, с. 100–120]. Это святилище использовалось для отправления религиозных обрядов и в эпоху поздней бронзы, и раннего железа. Местности, где обнаружены наскальные изображения в предгорном Дагестане, были очень привлекательными для местных племен. Здесь устраивались стойбища и рисование на скалах, сопровождавшееся ритуально-магическими церемониями. На культовом (молельном) месте в районе Чиркутана выявлено много наскальных изображений (рис. 8, 1,2). Интерес представляют две человеческие фигуры, помещенные одна на другой в позе адорации. В.И. Марковин отмечает, что «верхняя фигура более крупная. Руки у нее подняты вверх так, что в локтевом суставе образуют почти прямой угол, мускулы плеч напряжены. Кисти рук не обозначены. Голова, слитая с шеей, изображена одной округлой линией, без ушей. Грудь отчеркнута горизонтальной линией. Ниже изображена вторая фигура с головой овальной формы, выполненная силуэтом и ударами пунктира. Линии ее непропорциональны. Шея не пририсована. Справа от крупной фигуры выбит овальный женский знак, а ниже рисунок зверька» (рис. 8, 2) [10, с. 100–120]. Правая часть «панно» занята изображением лука со стрелой, направленной

выше фигур. Лук держит рука, отходящая от слегка наклонной линии (рис. 8, 2). Описанный камень, обращенный петроглифом к востоку, стоит совершенно обособленно. Возможно, он являлся своеобразным входом для идущих к святилищу с «оградками». «Центральная часть панно занимает фигура тура, изготовившегося к бегу. Голова у него вытянута, рога пригнуты к спине» [10, с. 100–120]. Правее, перед его головой видны еще четыре фигуры животных, которые изображены со стремлением дать их в полный рост, сильно утрировав величину рогов. Петроглифический комплекс, по мнению В.И. Марковина, «осеяющий целый «поселок»», состоящий из культовых оградок, имел ритуальное значение, обладая неясной сейчас «иконической» силой [10, с. 100–103]. Гравировки и писаницы обнаруживают близость, характеризующуюся линейно-контурной манерой изображения. Большинство из них относятся к эпохе бронзы. Такая датировка обосновывается как сопоставлением их с древней вазовой живописью, так и некоторыми находками, относящимися к эпохе бронзы, сделанными возле них [15, с. 155–158; 7, с. 39–41]. Рассматривая наскальные гравюры и живопись, В.И. Марковин отмечает в них «ритмичность, умение подчеркнуть наиболее характерное в экстерьере тех или иных животных и то чувство меры, которое придает древним наскальным изображениям исключительную художественность и законченность истинных произведений искусства» [29, с. 333]. С такой оценкой наскальных изображений, как древних произведений искусства, можно полностью согласиться. Наскальные рисунки вообще, и относящиеся к эпохе бронзы в частности, отражают и разнообразные идеологические представления древнего населения Северо-Восточного Кавказа. Как полагал М.О. Косвен, искусство имеет общий со всеми идеологическими явлениями источник, и таким источником он считал трудовую деятельность человека [30, с. 152]. Вероятно, желание облегчить свой труд порождало и веру в магическое, что находило отражение в искусстве. Резюмируя сказанное, отметим, что наскальные изображения отражают мировоззрение древнего населения, его эстетические взгляды, их взгляды на окружающий мир и на самих себя, т.е. их миропонимание и мировосприятие, устройство мироздания. Они отражают реальную обстановку того времени и дают возможность представить жизнь древних людей, их потребности и занятия. Традиция изображения наскальных рисунков продолжалась и развивалась на Северо-Восточном Кавказе, и, в частности, в Дагестане до позднесредневекового времени. Их также можно увязать и со средневековыми рисунками на каменных блоках зданий, на отдельных могильных стелах [19, с. 86–109; 31, с. 114; 32, с. 351–371; 33, с. 55; 34].

В 2015 г. в Приморском Дагестане в окрестностях сел. Карабудахкент экспедицией под руководством В.Р. Эрлиха и Р.Г. Магомедова исследовались три кургана могильника Олелитюбе. Интерес представляет самый высокий курган 1 (высота 3,6 м и диаметр 32 м), под насыпью которого обнаружены необычные сооружения, датируемые эпохой средней бронзы (второй половиной III – первой половиной II тыс. до н.э.). В кургане 1 выявлено 9 ритуальных комплексов – «погребений-кенотафов», 5 развалов керамики, 3 скопления и одна яма (рис. 9) [35, с. 66–68]. Курган имел С-образный кромлех диаметром по линии запад-восток 24 м, который ограничивал насыпь кургана, с юга, востока и запада. С севера кромлех был разомкнут. Из 9 «погребений-кенотафов» 5 представляли собой небольшие каменные ящики-кенотафы (погребения №1, №4, №5, №7, №8) и 4 кенотафы в виде небольших ямок (погребения №2, №3, №6, №9, одна из них ямка №2 имела «восьмерковидную» форму), в которых найдены сосуды разных форм, но совершенно отсутствовали человеческие кости (рис. 9, 2–10). Полное отсутствие в кургане 1, как в «погребениях-кенотафах», так и в насыпи, костей человека не позволяет, по мнению исследователей, говорить о погребальном характере рассматриваемого кургана. Все сооружение в совокупности представляет из себя, как считают В.Р. Эрлих и Р.Г. Магомедов, «интересный, ранее не встречавшийся в Дагестане комплекс-святилище, предположительно связанное с солярными или календарными культами. Можно предположить, что на протяжении его функционирования, в определенное время здесь совершались жертвоприношения, являющиеся культовыми возлияниями, а жертвенная посуда с содержимым помещалась в специально сооружаемые каменные ящики, либо в ямки, которые перекрывались плитами. После каждого такого акта насыпь кургана, очевидно, досыпалась» [35, с. 66–68].

На позднем этапе средней и в начале эпохи поздней бронзы у населения каякентско-хорочоевской культуры также выявлены и настоящие культовые центры, расположенные в заповедных местах. Культовое место, представляющее научный интерес, выявлено близ курорта Талги, на слегка покатом облесенном склоне горы (рис. 10, 11). Здесь в центре площади возвышалась большая расколовшаяся скала высотой 2,5 метра. С востока она имела ровную поверхность и обрамлена полукруглой кладкой (радиус ее – 2,5–3 м) из плотно пригнанных камней. С юго-запада был выложен также небольшой аналогичный полукруг. В.И. Марковин отмечал, что «вокруг северной и восточной части сооружения разбросано более 30 небольших скал с оградками диаметром в 3–5 м. Кладка их сложена насухо. Некоторые оградки

устроены над углублениями. Входы оградок обращены к центральному сооружению. Расположены они амфитеатром вокруг данного «жертвенного места». В оградках и отдельных углублениях встречены угольки и обломки древней керамики» (рис. 10, 11, 1–2) [32, с. 111–112]. Найденные в сооружениях камни сильно замшели и вросли в почву. Близкое сооружение выявил Г.М. Асланов на Апшеронском полуострове, где также были обнаружены древние рисунки на камнях и плитах. Были открыты круглые в плане культовые сооружения, напоминавшие по конфигурации циклопические постройки. Здесь так же прослеживались неясные кладки [36, с. 65]. Скорее всего, основные действия производились в ограде большой центральной скалы, которые дублировались людьми, находившимися в малых оградках.

Культовый характер имели и домашние очаги, выявленные на поселениях эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. В отличие от центральных очагов, углубленных в пол, характерных для поселений эпохи ранней бронзы, в эпоху средней бронзы распространяются сводчатые печи типа «кор», наряду с которыми бытовали и простые открытые очаги. В этих очагах, возможно, также поддерживался неугасимый огонь. Мы не будем специально останавливаться на характеристике культовых очагов эпохи ранней и средней бронзы, так как эта тема заслуживает отдельного изучения. Удачный опыт изучения очагов и очажных подставок эпохи ранней бронзы проделан М.Г. Гаджиевым в ряде работ [3, с. 221; 6, с. 115–117, рис. 3–7]. Отметим лишь некоторые из них. Так на Верхнесигитминском поселении конца эпохи ранней бронзы открыты каменные строения, располагавшиеся по склону горы в три ряда. Обнаружено 5 жилищ и две площадки, служившие основанием жилищ, либо открытых навесов. Жилища, прямоугольные в плане, но с закругленными углами, ступенчато располагались по склону один за другим [36, с. 91–92; 37, с. 48–50]. В жилищах выявлены лежанки, открытые круглые и сводчатые печи типа кор. Интерес представляют открытые круглые очаги, сложенные из глины. Верхний край очага из жилища № 3 был украшен симметрично расположенными выступами в виде четырех стилизованных рогов барана и четырех рельефных кружков, а также симметрично расположенными в виде буквы «М» трезубцами, или якорьками [36, с. 92]. На наш взгляд, этот очаг имел культовое значение (рис. 7). На другом, расположенном недалеко от вышеописанного поселения, Нижнесигитминском поселении конца эпохи средней и начала эпохи поздней бронзы в результате раскопок были выявлены многокамерные жилые сооружения округлой и квадратной формы. В двух помещениях обнаружены камни, использовавшиеся в кладке

стены как строительный материал с изображением козлов и оленей. Внутри помещений по углам обнаружены очаги округлой и квадратной формы, сделанные из настилов камня до 1×1,5 м. Вместе с ними встречены небольшие шестигранные очаги (диаметр их – 0,5–0,7 м), используемые, вероятно, для ритуальных церемоний. Комплекс 4, где был найден олень К.А. Бредэ считал культовым (рис. 12, 13)⁵. Здесь собрано много обгоревших костей животных, находки которых сделаны возле стены, кладка которой образовывала «подкову». Как известно, очаг являлся символом благополучия семьи, местом вокруг которого сосредотачивалась домашняя деятельность. Как считал М.Г. Гаджиев, главные «обряды совершались у очага, его почитали, окружали культовыми предметами, украшали подчас какими-то символическими знаками» [3, с. 221]. Следует указать, что в окрестностях поселения на скалах у подножия горы Сигитма обнаружены высеченные в песчанике изображения отдельных животных и охотничьих сцен, в которых участвуют всадники, вооруженные луками и копьями [18, с. 58–69].

Найденные на многих памятниках Кавказа около очагов мужские и женские статуэтки свидетельствуют о существовании культа домашнего очага. Поклонение очагу должно было способствовать благополучию семьи приумножению ее богатства [1, с. 165]. Коренные изменения и сдвиги в культурно-историческом развитии Дагестана на рубеже эпох ранней и средней бронзы привели впоследствии к отчетливой культурной трансформации данного региона, но и обусловили существенные изменения в религиозно-идеологических представлениях местного населения. Они нашли свое отражение и в погребальной идеологии племен Дагестана эпохи средней бронзы и привели к значительному увеличению этнической пестроты и подвижности населения, распространению нового курганного обряда захоронений, применению охры, галечниковой и древесно-камышовой подстилки в погребальном обряде, появлению некоторых форм керамики степного и северокавказского происхождения, шнуровых мотивов в орнаментации керамики и металлических изделий, каменных боевых топоров кабардино-пятигорского типа, песчаниковых и керамических выпрямителей древков стрел, костяных зооантропоморфных пряжек степного типа и т.д. [3, с. 236–239; 5, с. 23; 28, с. 54–151; 38, с. 50].

⁵ Бредэ К.А. Отчет о раскопках археологических памятников га г. Сигитма в 1956 г. // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2551; Бредэ К.А. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижнем Сигитминском поселении и городище, а также разведках в прибрежных полосах низовьев Сулака // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. С. 101–105; Бредэ К.А., 1959. С. 25–26.

Отмеченные инновации в культуре местного населения равнинно-предгорной части Дагестана во второй половине III – начале II тыс. до н.э. свидетельствуют о проникновении на эту территорию степных и северокавказских племен, которые принесли с собой неизвестные здесь ранее культурные традиции. С этими событиями связано изменение вектора культурных связей населения Дагестана во второй половине III – начале II тыс. до н.э. За этим последовали значительные перемены, которые оказали пришлые, степные племена на материальную и духовную культуру местных племен, на религиозно-идеологические представления. Это хорошо иллюстрируют археологические памятники Дагестана эпохи средней бронзы.

Рассмотренные материалы, показывают, что население Дагестана в эпоху ранней и средней бронзы имело достаточно сложную и развитую идеологию. Характеристика святилищ и культовых мест, предметов культа, наскальных изображений позволила представить и раскрыть некоторые стороны сложных идеологических представлений, осветить популярные у населения культы огня, солнца, земледельческие культы. В основе верований древних земледельцев и скотоводов, судя по изучению культовых святилищ и очагов, орнаментации керамики и наскальным изображениям, были культ плодородия, аграрные культы, культ животных, дерева и т.д. Они выражались также в различных символах – соляных, земледельческих, женского начала и др. Следует отметить земледельческие культы, среди которых в первую очередь стоит указать на культ быка, барана, собаки, змеи и т.д., культ дерева, культ плодородия. Необходимо подчеркнуть, верования были разнообразными и часто переплетались друг с другом. Так, во многом представления древних людей о загробной жизни взаимосвязаны с астральными верованиями, а также аграрные с астральными. Рассмотрение различных верований позволило показать многие стороны идеологических представлений местного населения, раскрыть его всевозможные запреты, магические предписания и другие формы строгих регламентаций, порожденных трудностями жизни. Идеологические представления населения Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы обнаруживают значительное сходство с представлениями населения сопредельных территорий, но, с другой стороны, они характеризуются специфическими особенностями местного характера. В своей основе идеология и духовная жизнь населения Дагестана эпохи средней бронзы была подчинена в основном главной задаче землевладельцев и скотоводов – обеспечения плодородия земли, человека и животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кушнарера К.Х. Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа (V-III тыс. до н.э.) Л.: Наука, 1970. 191 с.
2. Кушнарера К.Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван. 1977.
3. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. 274 с.
4. Ханзандян Э.В. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н.э. Ереван, 1967.
5. Атаев Г.Д. Бассейн реки Сулак в эпохи ранней и средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. Наук. М., 1986. 26 с.
6. Гаджиев М.Г. К изучению искусства ранних земледельцев // Памятники древне го искусства Дагестана. Махачкала, 1990. С. 11–29.
7. Котович В.М. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 29–49.
8. Котович В.М. О некоторых верованиях раннеземледельческого населения Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 28–36.
9. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказа. Очерки древней и средневековой истории и культуры. Тула: Гриф и К, 2003. 340 с.
10. Марковин В.И. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.: Наука, 2006. 210 с.
11. Котович В.М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М.: Наука, 1976.
12. Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). Махачкала, 1966. 145 с.
13. Исраилов М.И. Солнечные календари Кегерского нагорья. Махачкала, 1991.
14. Исраилов М.И. От Кегера до Стоунхенджа: рассказывают наскальные рисунки. Махачкала, 1991.
15. Марковин В.И. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана // Советская археология. № 1. М., 1958. С. 147–162.
16. Лавров Л.И. Археологические разведки в верховьях р. Самур (Дагестан) // МАД. Т. I. Махачкала, 1959. С. 175–181.
17. Дебиров П.М. О художественных образцах в народно-декоративном искусстве аварцев // УЗ ИИЯЛ. Т. VI. Махачкала, 1959. С. 200–232.
18. Канивец В.И., Марковин В.И. Наскальные изображения в долине реки Сулак // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977. С. 58–69.
19. Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989. 348 с.
20. Hausler F. Sudrussische nordkaukasische Petroglyphen und WZ der Martin-Luther Universitat. Halle; Wittenberg, 1963. Bd. XII/II.
21. Котович В.М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983. С. 4–12.
22. Котович В.М. Верхнегунибское поселение-памятник эпохи бронзы горного Дагестана: к истории дагестанских племен в конце III–II тыс. до н.э. Махачкала, 1965. 260 с.
23. Багаев М.Х. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. М.; Наука, 1986. С. 66–74.
24. Урушадзе Н.А. Опыт художественного образного анализа и реконструкции бронзового пояса из Самтавро // Советская археология. 1970. № 1. 50. С. 67–76.

25. *Асиятилов С.Х.* Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев: (XIX – первая половина XX вв.). Махачкала, 1967.

26. *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура кумыков. XIX–XX вв. Махачкала, 1960. 387 с.

27. *Атаев Г.Д.* Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2004 г. в Горном Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4 (48). 2016. С. 58–76.

28. *Гаджиев М.Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969. 177 с.

29. *Магомедов Р.Г.* Гинчинская культура: горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998. - 380 с.

30. *Марковин В.И.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 287–333.

31. *Косвен М.О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. 216 с.

32. *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура // МИА. № 122. М.: Наука, 1969.

33. *Атаев Д.М., Марковин В.И.* Петрографика горной Аварии // Ученые записки Института ИЯЛ ДагФАН СССР. Т. 14 (сер. истор.). Махачкала, 1965. С. 351–371.

34. *Markowin W.J., Muntschajew R.M.* Kunst und Kultur im Nordkaukasus. Leipzig, 1988.

35. *Эрлих В.Р., Магомедов Р.Г.* Курган – святилище эпохи бронзы в Приморском Дагестане // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 2016. С. 66–68.

36. *Асланов Г.М.* Новый комплекс археологических памятников Апшерона // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 65–66.

37. *Канивец В.И.* Дагестанская археологическая экспедиция 1956 г. // Ученые записки ИИЯЛ. Т. 3. 1957. С. 157–167.

38. *Канивец В.И.* Отчет Миатлинского отряда ДАЭ о раскопках памятников бронзового века на Сулаке 1957 г. М., 1958 // Архив ИА РАН. Р-1, № 1606.

39. *Канивец В.И.* Миатлы – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. С. 31–59.

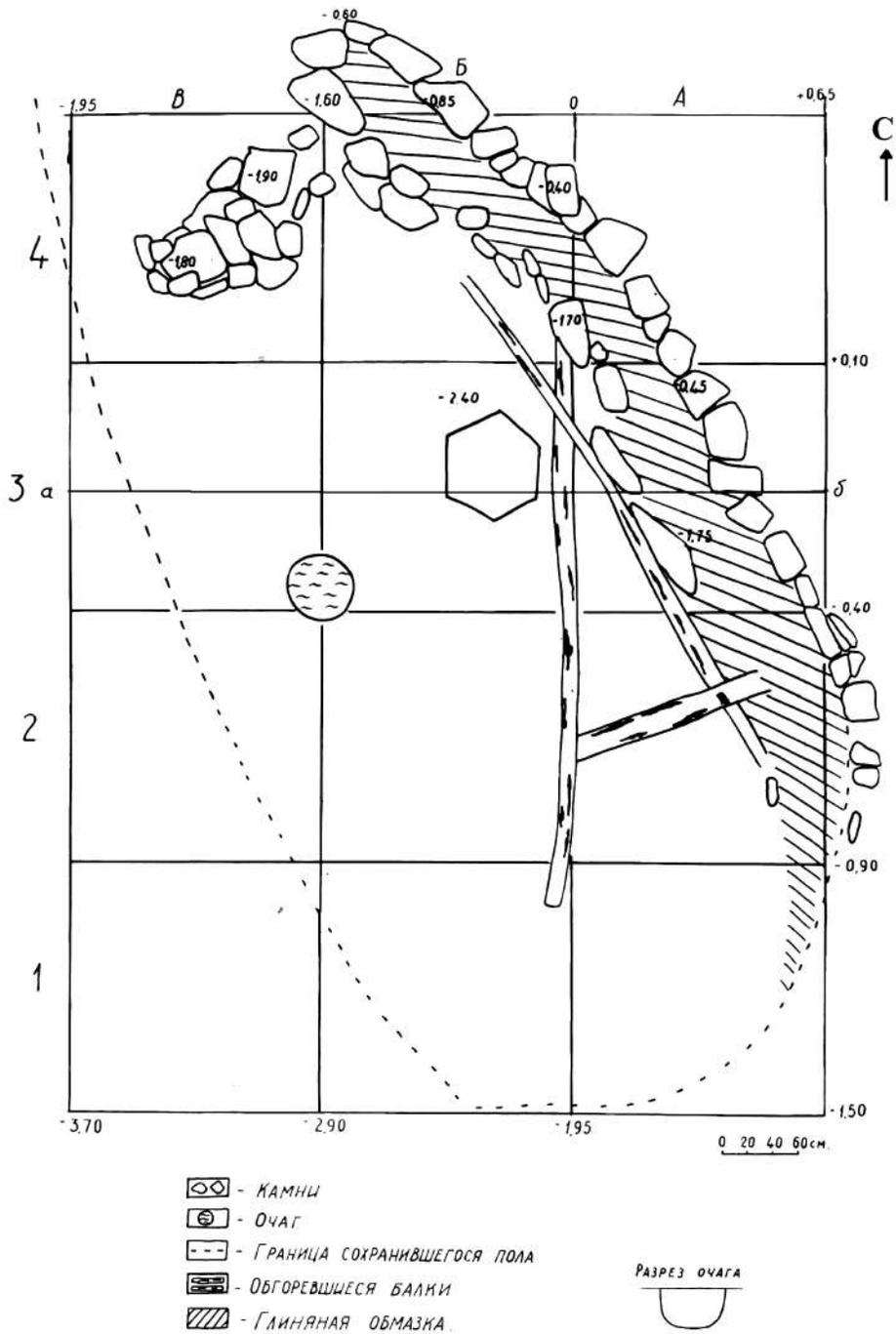

Рис. 1. Поселение Галгалатли I. План святилища в раскопе № 6

Рис. 2. Поселение Галгалатли. Вид на помещение с юга

Рис. 3. . Поселение Галгалатли. Орнамент на карнизе сиденя

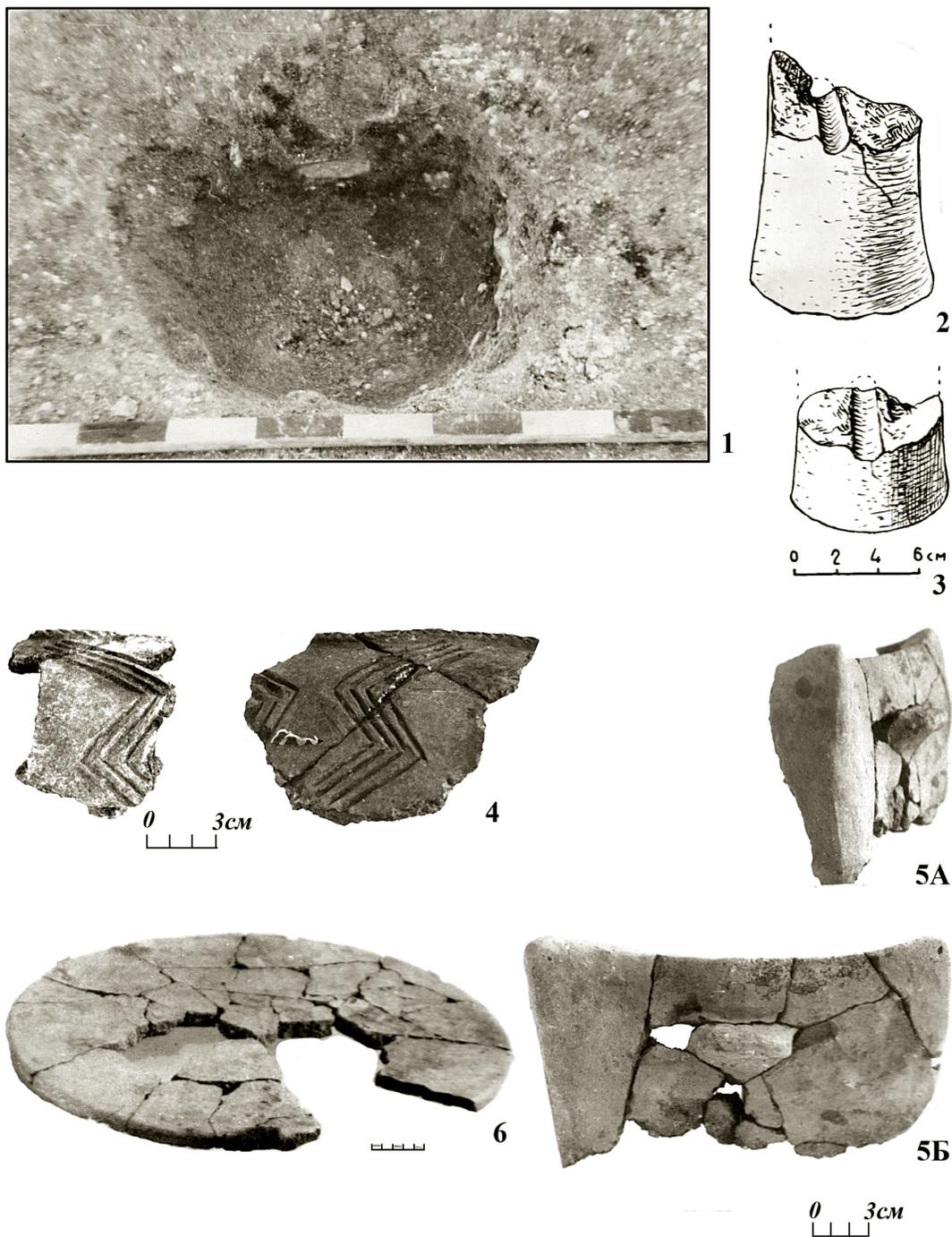

Рис. 4. Поселение Галгалатли. 1 – очаг; 2–6 – керамические изделия

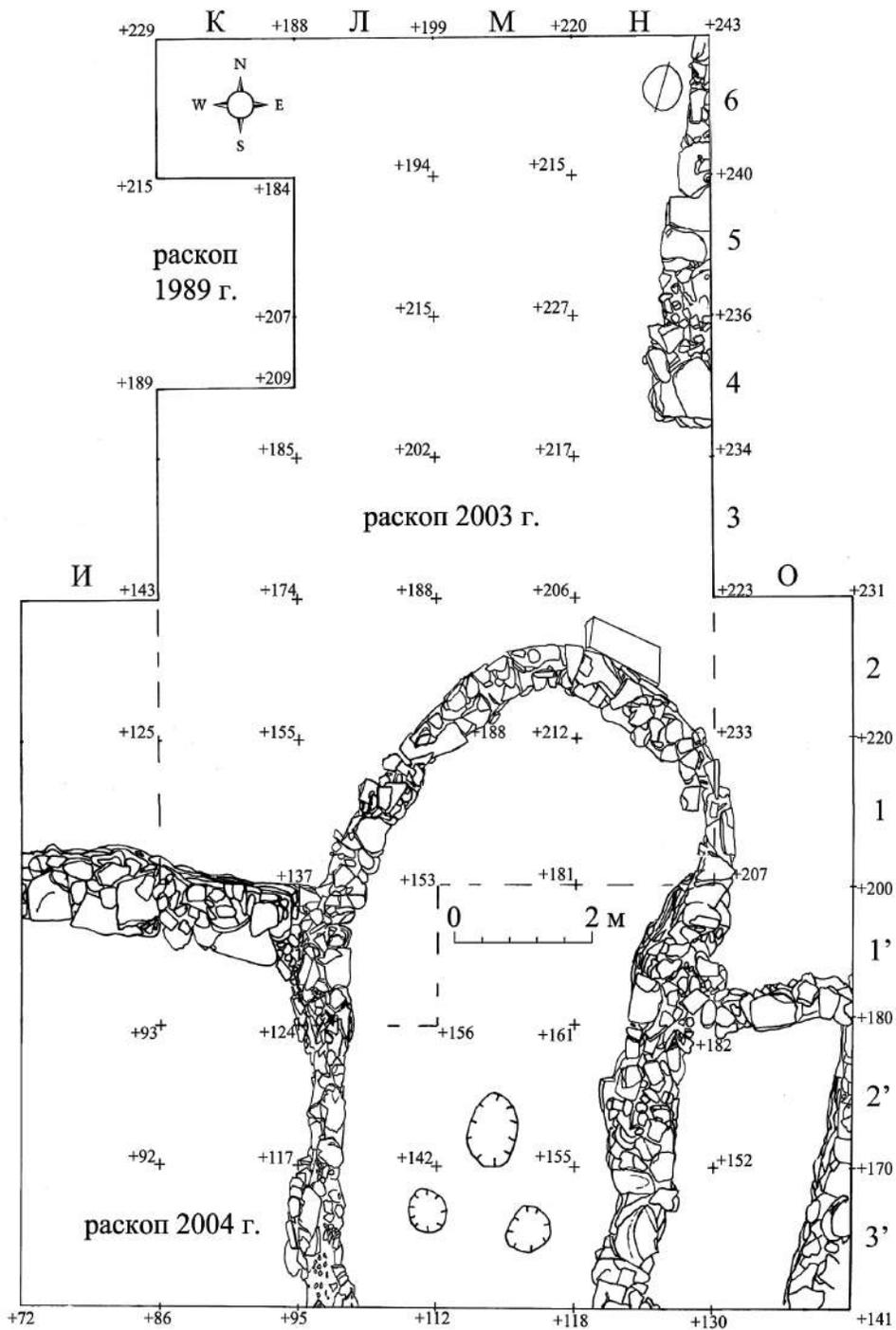

Рис. 5. Ирганайское поселение I. P-IV, 2003 г. и раскоп 2004 г. Общий план

Рис. 6. Ирганайское поселение I. Р 2004 г. и Р IV 2003 г. Вид на раскоп с севера. Вид на каменное помещение овальной формы, северный фас стены № 1 и восточный фас стены № 3

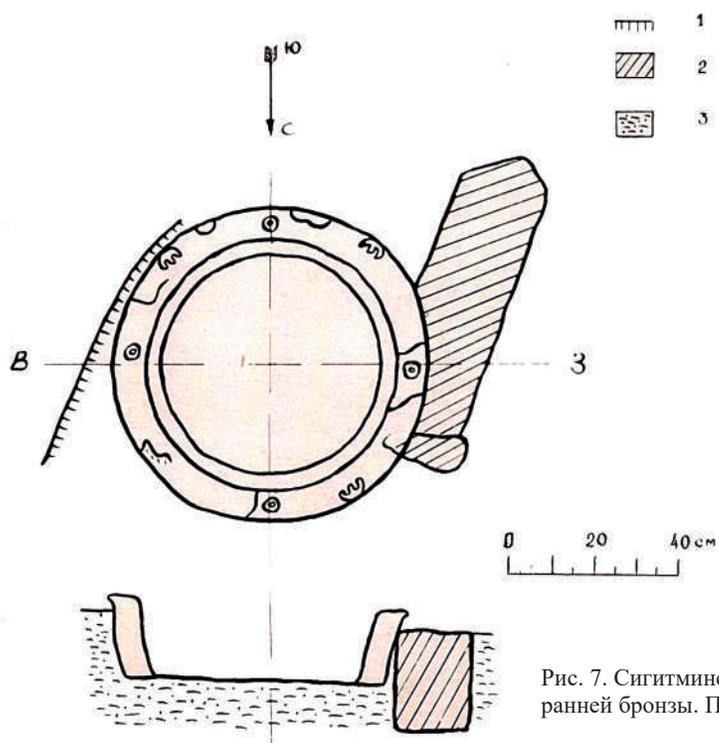

Рис. 7. Сигитминское поселение эпохи ранней бронзы. План и профиль очага

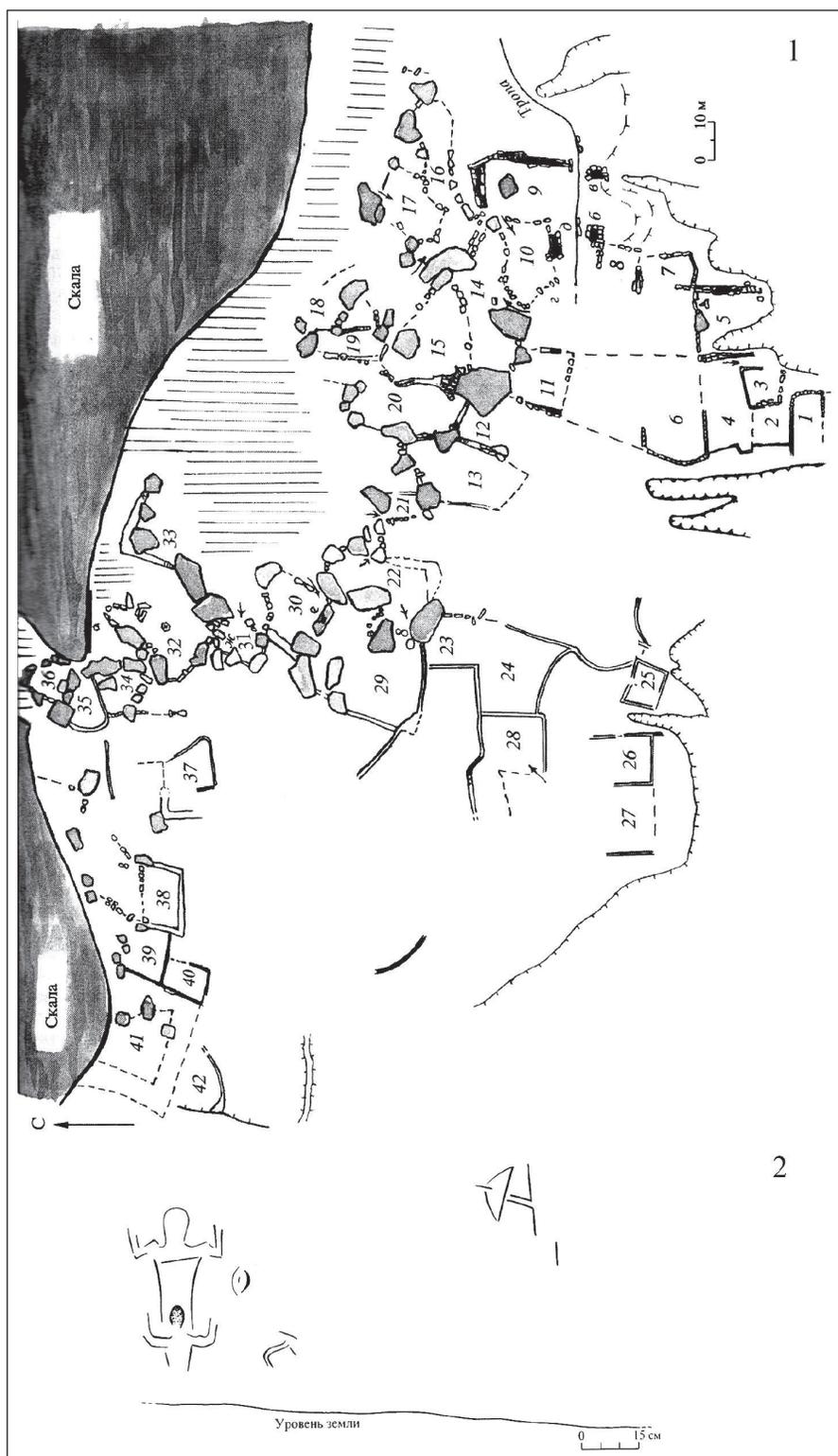

Рис. 8. Святилище у хутора Чиркутан. 1 – комплекс оградок; 2 – наскальное изображение на обломке скалы у святилища у хутора Чиркутан

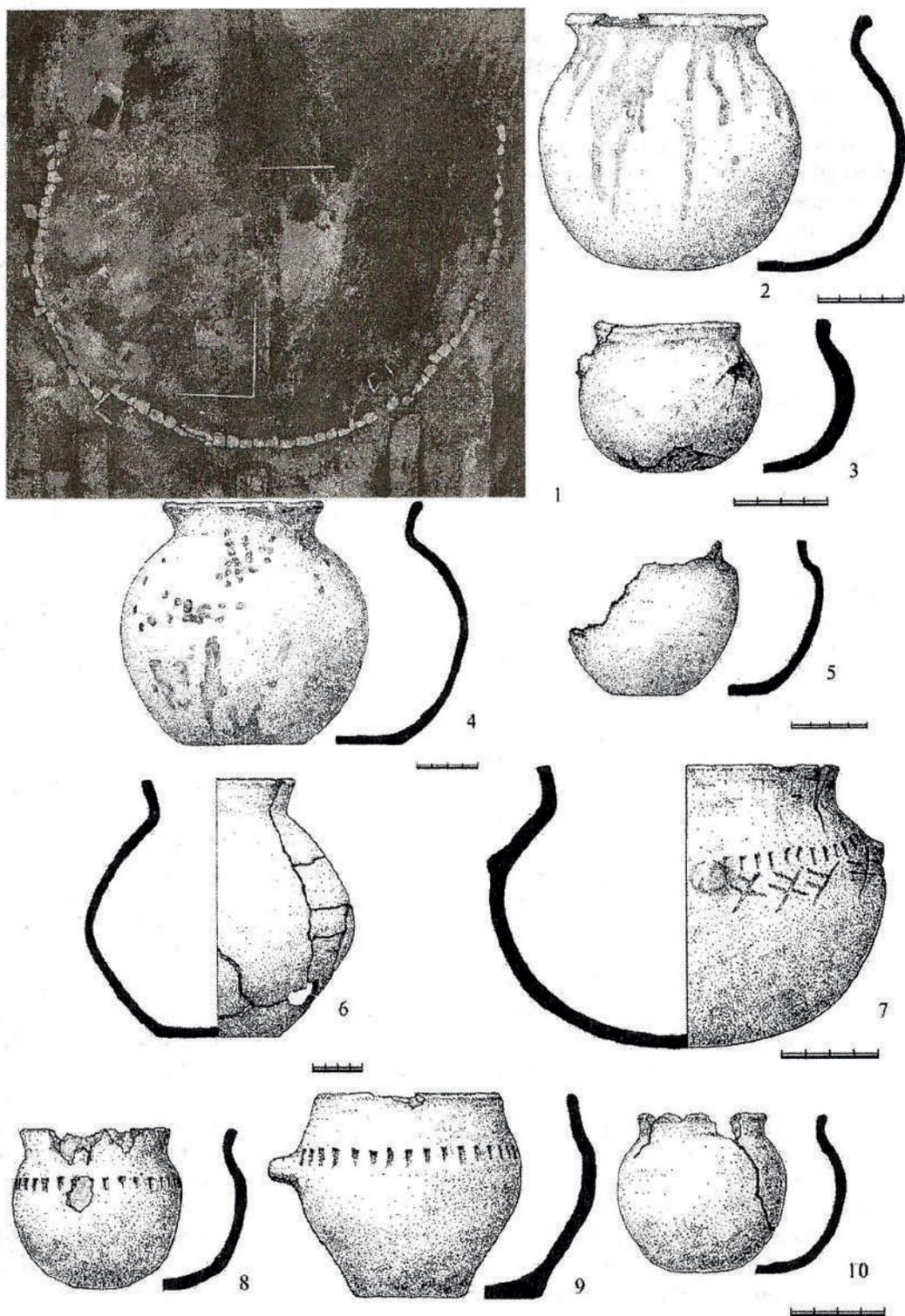

Рис. 9. Могильник Олелитюбе, курган 1: 1 – вид на раскопанные сооружения кургана 1 с воздуха; 2–10 – керамические изделия из «погребений-кенотафов» кургана

Рис. 10. Центральная часть культового места у курорта Талги (ущелье ор. Черкез-Озень)

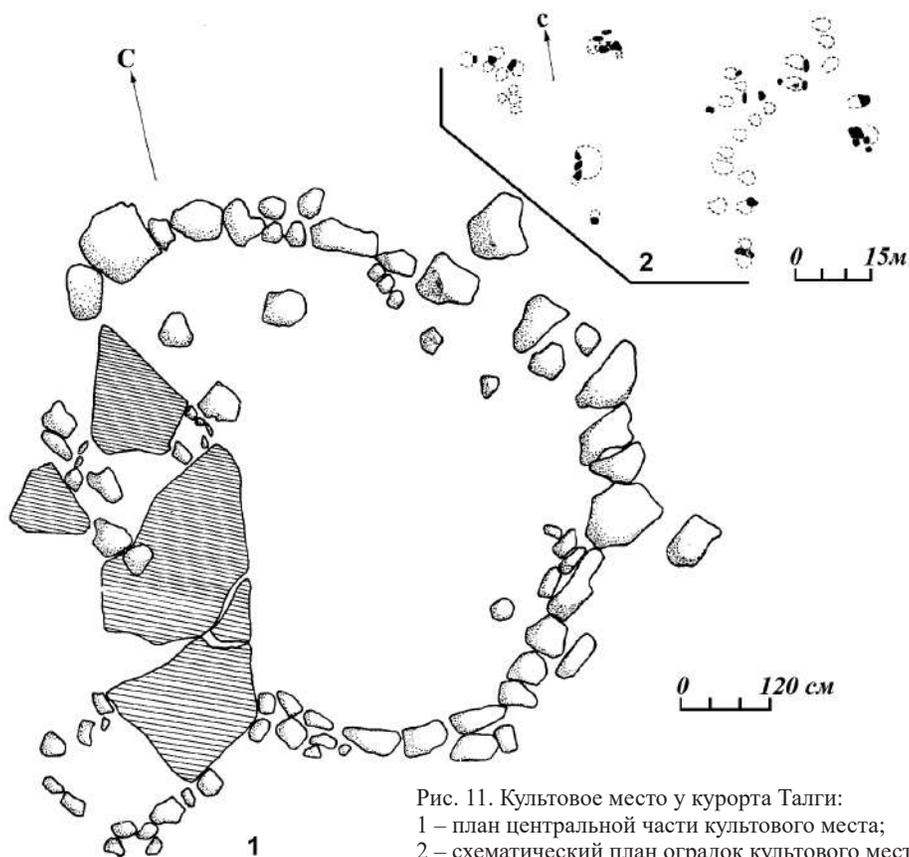

Рис. 11. Культовое место у курорта Талги:
1 – план центральной части культового места;
2 – схематический план оградок культового места

Рис. 12. Нижнесигитминское поселение. Вид на очаг и скопление мелких камней

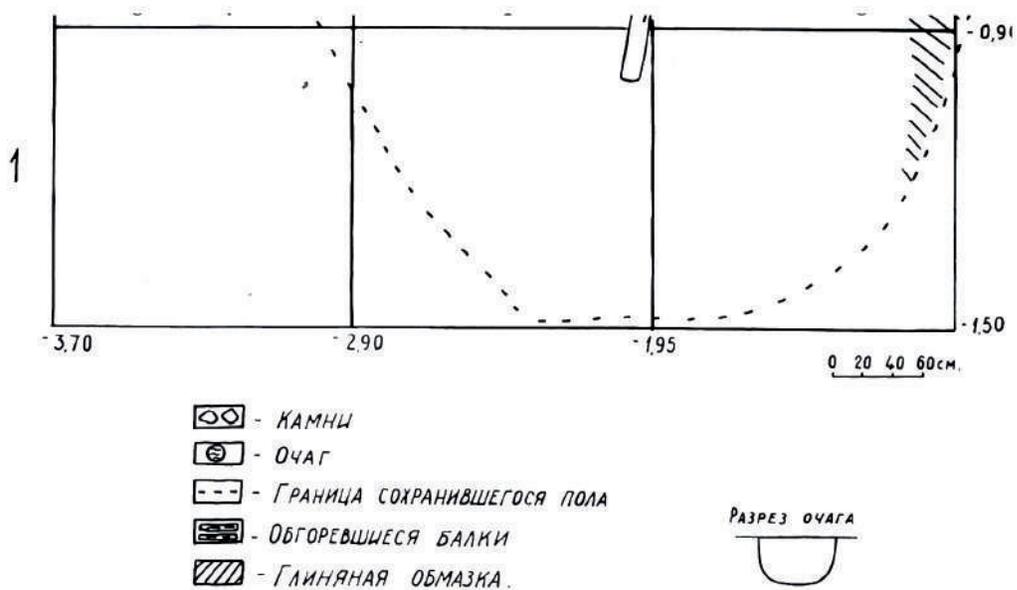

Рис. 13. Нижнегитминское поселение. Окаймление очага

НОВООТКРЫТЫЕ СРЕДНЕПЕРСИДСКИЕ НАДПИСИ АМАРГАРА ДАРИУША В ДЕРБЕНТЕ

300 лет назад, в конце августа 1722 г. князь Дм. Кантемир, будучи участником Персидского похода, возглавлявшим походную канцелярию императора Петра I, положил начало изучению эпиграфики Дербента. Проявляя интерес к дербентским древностям, он обнаружил наряду с серией арабских надписей и первую среднеперсидскую надпись на оборонительной стене Дербента, которую, правда, не идентифицировал, как среднеперсидскую [1, р.13; см.: 2, с. 42-53]. Эта надпись впоследствии получила обозначение № 7 [3, с. 16]. Спустя три столетия открытия памятников среднеперсидской эпиграфики Дербента, представляющих достаточно крупный и своеобразный анклав памятников письменности Сасанидского Ирана и важный исторический источник, продолжают. До недавнего времени были известны 32 среднеперсидские надписи, документирующие строительство Дербентского оборонительного комплекса и датируемые самым концом 560-х гг. [4]. Ныне корпус среднеперсидской эпиграфики Дербента пополнился еще тремя надписями – № 33, № 34 и № 35, открытыми авторами, соответственно, в 2016, 2021 и 2022 гг. Ниже приводится их характеристика.

Надпись среднеперсидская № 33 (рис. 1) расположена между башнями № 18 и № 19 северной городской оборонительной стены (по нумерации Е.А. Пахомова; по нумерации М.С. Гаджиева – башни № 43 и № 44) в центральной части куртины, на расстоянии 29 м от башни 19, в четвертом ряду на высоте 1,5 м от современной дневной поверхности на панцирном ложковом блоке размером 94×49 см, на его правой половине. На этой же куртине расположены среднеперсидские надписи № 1 и № 2: первая – ближе к башне 19 (в 14,3 м от нее), вторая – рядом с башней 18 (в 4 м от нее).

Надпись № 33, как и все среднеперсидские надписи Дербента, вертикальная. Она плохой сохранности, камень, на который она нанесена, дефектный, имеет глубокие, широкие выщерблины. Но, тем не менее, текст ее восстанавливается по сохранившимся фрагментам букв и по аналогии с другими аналогичными по содержанию надписями.

Надпись была трехстрочная, сохранилась только часть литеры *lamedth* (*l/r*) в первой строке, начальная черточка первой буквы *ālerh* (*ā*) второй строки и первые две литеры третьей строки – *ām*. Реконструируемый текст надписи:

(1) [d]l[ywš ZY]	[Da]r[iuš ī]
(2) ' [twrp'tk'n]	Ā[durbādagān]
(3) 'm['lkl]	ām[ārgar]

«Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Обращает внимание, что на участке местонахождения надписи № 33, на кургине между башнями 18 и 19, кроме упомянутых надписей № 1 и № 2, расположены также 18 знаков строителей Дербента (№№ 175–192), которые объединяются в 4-5 групп, вероятно, отражающих определенные группы (бригады) строителей [5, S. 367-368. Abb. 9, 184, 185; 6, p. 147–178; см. также: 7, с. 81–114]. Непосредственно рядом с надписью № 33, в том же ряду кладки через тычковый блок облицовки, на той же высоте (1,5 м от современной дневной поверхности), что и надпись, на ложковом блоке высечены однотипные Т-образные знаки 184 и 185. Возможно, надпись и знаки строителей каким-то образом взаимосвязаны.

Надпись среднеперсидская № 34 (рис. 2, 3) расположена между башнями 14 и 15, в 10,75 м к СВ от угла полуразрушенной башни № 15 (по нумерации Е.А. Пахомова; по нумерации М.С. Гаджиева – башня № 47), в 5-м ряду, на высоте 2,15–2,6 м от современной дневной поверхности, на панцирном ложковом блоке размером 83×55 см, на его правой половине. Надпись также имеет неудовлетворительную сохранность, но лучшую, чем у надписи № 33; камень, на который она нанесена, имеет следы старой побелки, отдельные выщерблены. Надпись вертикальная, трехстрочная, сохранились отдельные буквы и части букв, но текст ее реконструируется по сохранившимся литерам и по аналогии с другими надписями, в т.ч. по близ находящейся надписи № 27 с таким же содержанием (рис. 4), расположенной на соседней кургине между башнями 15 и 16. Текст надписи:

(1) dly[w]š ZY	Dari[u]š ī
(2) ['t]wr[p]'tk'n	[Ād]ur[b]ādagān
(3) 'm['lkl]	ām[ā]rgar

«Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Надпись среднеперсидская № 35 (рис. 5, 7) была обнаружена в октябре 2022 г., когда настоящая статья уже была сдана в редакцию и рекомендована к печати. Она была выявлена в ходе археологических

наблюдений за земляными работами на территории ландшафтного парка, создаваемого вдоль верхнего (юго-западного) участка северной городской стены Дербента от ворот Джарчи-капы до ворот Кырхляр-капы. Надпись расположена на западной боковой грани башни № 36 (по нумерации Е.А. Пахомова; по нумерации М.С. Гаджиева – башня № 26), в 4-м видимом (на лицевой грани) ряду кладки, в центре панцирного ложкового блока размером 83×54 см, в 1,9 м от западного угла башни и в 3,0 м от стыка башни с прилегающей куртиной. Следует отметить, что на этой же башне представлена среднеперсидская надпись № 26 (рис. 6), расположенная рядом, ниже, на лицевой грани, и содержащая только одно слово – личное имя Дариуш [4, с. 75-76, рис. 33], а также два строительных знака: прямой крест – на боковой восточной грани башни, и косой крест – на боковой западной грани выше надписи № 35 [5, S. 365–366, Abb. 7, No. 115, 116].

Надпись № 35 имеет относительно удовлетворительную сохранность, за исключением отдельных стертых и слабо различимых букв (рис. 7). Надпись вертикальная, трехстрочная, отличается своеобразным угловатым характером букв. Текст надписи гласит:

(1) dl[yw]š ZY	Dar[iu]š ī
(2) [ʹtwrpʹt]kʹn	[Ādurbāda]gān
(3) ʹmʹlkl	āmārgar

«Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Все три обнаруженные надписи №№ 33-35 составлены от имени *амаргара* (о титуле см.: [8, с. 163–174; см. также: 9, S. 124–132; 10, p. 925–926]) – высокого должностного лица, главного финансового и налогового инспектора обширной области Адурбадаган, в которую в период правления шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) входили не только собственно Адурбадаган (историческая провинция на северо-западе Ирана между реками Сефид-руд, Аракс и оз. Урмия), но и все кавказские владения сасанидского Ирана вплоть до Дербента (см.: [11, p. 69–80]).

Упоминание в дербентских надписях амаргара области Адурбадаган, под которой подразумевалась не провинция (ср.-перс. *šahr*), а крупная административно-территориальная единица (ср.-перс. *kust, kustag*), именовавшаяся ср.-перс. *kust ī Ādurbādagān* и возглавляемая *спахбедом Адурбадагана* (ср.-перс. *kust ī Ādurbādagān spāhbed*) (о титуле спахбед см.: [12]; см. также: [8, с. 195–205; 9, S. 147–154]), указывает на время составления надписей в правление Хосрова I Ануширвана (531-579) [11, p. 71]. Куст Адурбадаган был образован в результате административно-территориальных реформ Хосрова I, в результате которых Иранская держава (ср.-перс. *Ērānšahr*) была

разделена по странам света на четыре крупные военно-административные области/округа во главе со спахбедами: Восточный куст (ср.-перс. *kust ī Xwarāsān*), Западный куст (ср.-перс. *kust ī Xwarārān*), Южный куст (ср.-перс. *kust ī Nēmrōz*) и куст Адурбадаган, под которым понимался Северный куст (ср.-перс. *abāxtar*). Это подтверждается и данными письменных источников (*Шахристианиха-и Еран, Аишарацуйи, ат-Табари, ад-Динавари, ал-Хорезми* и др.), и находками булл с оттисками печатей военачальников-спахбедов, в том числе и датируемые временем правления Хосрова Ануширвана (и, возможно Хормизда IV, 571–590 гг.) печати спахбедов Адурбадагана – Горгона (*Gōrgōn*), Сед-хоша (*Sed-hoš*) и -Хосрова (...-*Husrav*) (рис. 8) – представителей самого знатного и влиятельного парфянского аристократического рода (ср.-перс. *wuzurgān* – «великие»), одного из Семи великих домов Ирана Мехран/Михран (см.: [12, р. 35–46; 13, р. 272–277; 14, р. 31, 253, 439; 15. Р. 1–15]; см. также: [16; 17]).

Печати спахбедов Адурбадагана, как видится, свидетельствуют о преемственном и традиционном военно-административном управлении областью Адурбадаган представителями дома Михран и объясняют приход Михранидов к власти в Кавказской Албании после неудачного восстания Бахрама Чубина (590–591), также являвшегося представителем рода Михран.

Амаргар куста Адурбадаган от лица шаханшаха Хосрова I и спахбеда финансировал и контролировал строительство колоссального Дербентского оборонительного комплекса по крайней мере на первом этапе работ – возведении северной городской оборонительной стены Дербента и цитадели (о времени их сооружения см.: [18, с. 77–94; 19, р. 1–15]). Напомним, что правильное чтение имени амаргара Дариуша стало возможным благодаря открытию надписи № 29 [2, с. 119–122, рис. 4; 4, с. 78–81, рис. 36], и заметим, что среди памятников сасанидской глиптики известен оттиск геммы-печати, принадлежавшей амаргару Адурбадагана [13, р. 42, 132; 14, р. 31, 253, 439] (рис. 9).

Деятельность Дариуша в Дербенте нашла отражение в многочисленных надписях, расположенных на внешней стороне северной городской стены (за исключением утерянных надписей №№ 8, 9, располагавшихся, соответственно, на правой и левой сторонах внутренней грани полой башни № 9 в верхних рядах кладки, см.: [4, с. 55–59, рис. 15, 16]).

Новооткрытые надписи №№ 33–35 имеют идентичный по содержанию текст и относятся к подгруппе б группы 1 среднеперсидских надписей Дербента, составленных от имени амаргара Дариуша [4, с. 89]. Ныне известно уже 20 (из 35) его надписей, и все они высечены на северной стене города, где всего расположено 25 надписей (рис. 10). Данная подгруппа б включает 9 надписей Дариуша (из 20

с его именем: надписи №№ 7, 10, 24, 27-29, 33-35), содержащих имя и титул (должность).

Большинство надписей с именем Дариуша, судя по их начертанию, вырезано разными мастерами. Одним резчиком, вероятно, выполнены надписи №№ 3, 5 и 11, расположенные на одной куртине – в написании отдельных букв, лигатур, слов прослеживается один графический стиль. Близки по почерку между собой и надписи №№ 1 и 2, также расположенные на одном участке, хотя имеются и различия в написании литеры *š* (*šīn*) в имени *Dariuš* и некоторое отличие в начертании слова *āmārgar* [4, с. 89-91]. В расположенных рядом на башне № 36 надписях № 26 и № 35 (см. выше) его имя также имеет близкое начертание, что предполагает изготовление их одним резчиком.

Как отмечалось, новооткрытая надпись № 33 расположена на той же куртине, что и среднеперсидские надписи № 1 и № 2 (рис. 10). Это второй случай, когда на одной куртине между башнями были нанесены три надписи. Три надписи нанесены и на стену между башнями № 9 и № 10. Это надписи №№ 3, 5, 11, также составленные от имени Дариуша, но представляющие различные подгруппы, а именно подгруппы *a* (надпись № 11 – имя), *b* (надпись № 5 – строительные данные, имя и титул), *c* (надпись № 3 – строительные данные, дата, имя и титул) [4, с. 89–90]. Что касается надписи № 33, то она относится, как указывалось, к подгруппе *b*, тогда как надписи № 1 и № 2, между которыми находится надпись № 33, относятся к подгруппе *b*, хотя и несколько различаются по своему содержанию – надпись № 1 гласит: «Это и от этого вверх Дариуш, амаргар Адурбадагана (сделал)», а надпись № 2: «Это и от этого вверх, ширина четыре (локтя), [...] Дариуш, амаргар Адурбадагана (сделал)» [4, с. 35–45].

Такая концентрация надписей на данных участках оборонительной стены, протяженностью около 60 м каждый, не совсем ясна. Тем более, что надписи располагаются на относительно близкой высоте, документируя их установку при возведении стены примерно в один и тот же строительного-временной диапазон, на что указывает и характер не перебивающейся кладки: группа надписей №№ 1, 2, 33 расположена на высоте в диапазоне 0,5–1,7 м, группа надписей №№ 3, 5, 11 – на высоте 0,3–1,2 м от современной дневной поверхности.

Судя по результатам раскопок, проведенных в зоне расположения надписей (шурф 26 у башни № 3, раскоп XXII у башни № 12 и раскоп XXIX у башни № 19) [20, с. 25, 37, рис. 7; 21, с. 11–13], дневная поверхность времени строительства северной городской стены на данных участках расположена на 1,4–1,5 м (раскоп XXIX) и 2,5–2,6 м (шурф 26, раскоп XXII) ниже современной с постепенным увеличением мощности накрывающих слоев в северо-восточном направлении (в сторону моря). Блоки с высеченными на них надписями

№№ 3, 5, 11 устанавливались на высоте около 1,7–2,7 м от дневной поверхности времени сооружения стены, а блоки с надписями №№ 1, 2, 33 – на высоте около 3,1–4,4 м.

Вместе с тем, надписи Дариуша расположены на северной городской стене на всем ее протяжении от ее начала (надписи №№ 30 и 31, расположенные, соответственно, в 6,3 м и 5,5 м от стыка стены с северо-восточной угловой башней цитадели) и до приморской части (надпись № 10 – рядом с башней № 2). К тому же, они установлены на фиксируемой ныне высоте от 0,3–0,6 м до 3,3–3,4 м от современной дневной поверхности и их высотная позиция в системе кладки документирует осуществлявшийся амаргаром Адурбадагана Дариушем контроль за строительством северной городской оборонительной стены Дербента (а, очевидно, и цитадели, учитывая, что северная оборонительная стена и цитадель имеют конструктивную перевязку, указывающую на их единовременное сооружение [22, с. 103; 23, с. 126]) от времени начала ее сооружения до завершения.

С другой стороны, на северной оборонительной стене Дербента наблюдаются значительные по протяженности участки, на которых отсутствуют среднеперсидские надписи. Это участки между башнями №№ 2–8, 11–15, 22–33, 36–40 (рис. 10). Данный факт, учитывая, что северная стена в значительной степени накрыта мощными (до 3–5 м толщиной) прилегающими культурными наслоениями средневекового и Нового времени, оставляет надежду на открытие новых среднеперсидских надписей при проведении раскопок вдоль оборонительной стены и вскрытии ныне скрытых грунтом нижних частей северной оборонительной стены.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cantemir D.* Collectanea Orientalia (III. Ex eiusdem Demetrii Cantemiri schedis Manuscripts) // *Operele principelui Demetriu Cantemiru publicate de Academia Romana.* T. VI. Bucuresti: Tipografia Curtii, 1883. 492 p.
2. *Гаджиев М.С.* Новые находки и топография среднеперсидских надписей Дербента // *Вестник древней истории.* 2000. № 2. С. 116-129.
3. *Пахомов Е.А.* Пехлевийские надписи Дербента // *Известия Общества обследования и изучения Азербайджана.* Баку, 1929. № 8. Вып. V. С. 3-25.
4. *Гаджиев М.С., Касумова С.Ю.* Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.: Восточная литература, 2006. 128 с.
5. *Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A.* Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. In Darband // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan.* Bd. 33. Berlin: Reimer Verlag, 2001. S. 357-390.
6. *Gadjiev M.S.* On Interpretation of Derbent's Mason Marks // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey.* Ed. by Joam Evans Pim; Sergey A. Yatsenko and Oliver Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 147-178.
7. *Гаджиев М.С.* Опыт интерпретации знаков строителей Дербента // *Степи*

Восточной Европы в средние века. Сборник памяти С.А. Плетневой. М.: Издательство «Авторская книга», 2016. С. 81-114.

8. *Хуриудян Э.Ш.* Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана. III в. до н.э. – VII в. н.э. Алматы: Институт Азиатских исследований, 2015, 400 с.

9. *Khurshudian E.* Die Parthischen und Sasanidischen Verwaltungsinstitutionen: nach den literarischen und epigraphischen Quellen. 3 Jh. v. Chr. – 7. Jh. n. Chr. Jerewan: Verlag des Kaukasischen Zentrums für Iranische Forschungen, 1998. 324 S.

10. *MacKenzie D.N., Chaumont M.L.* Āmārgar // *Encyclopædia Iranica*, I/9, London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1986. pp. 925-926. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/amargar>. Accessed on 30 December 2012. Дата обращения: 08.09.2022.

11. *Ghodrat-Dizaji M.* Ādurbādagān during the Late Sasanian period: A Study in Administrative Geography // *Iran*. Vol. 48. 2010. Pp. 69-80.

12. *Gyselen R.* The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence. [Конференце. 14]. Roma: Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 2001. 53 p.

13. *Gyselen R.* Sasanian Seals and Sealings in the A. Saeedi Collection [Acta Iranica. 44]. Louvain: Peeters 2007. xviii, 407 p.

14. *Gyselen R.* La géographie administrative de l’empire sassanide: Les témoignages épigraphiques en moyen-perse. [Res Orientales. XXV]. Bures-sur-Yvette: Groupe pour l’Étude de la Civilisation du Moyen-Orient. Leuven: Peeters, 2019. xxxviii, 462 p.

15. *Daryae T., Safdari K.* Spāhbed Bullae: The Barakat Collection // *e-Sasanica*. 7. 2010. P. 1-15. URL: <https://cpb-us-e2.wpmucdn.com/sites.uci.edu/dist/c/347/files/2020/01/e-sasanica7-Safdari-Daryae.pdf>. Дата обращения: 08.09.2022.

16. *Daryae T.* Šahrestaniha i Eranšahr. A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic and History. With English and Persian Translations and Commentary. Costa Mesa: Mazda Pub., 2002. 90 p.

17. *Maksymiuk K.I.* The Pahlav-Mehrān Family Faithful Allies of Xusrō I Anōšīrvān // *Метаморфозы истории*. 6. 2015: 163-180.

18. *Гаджиев М.С.* Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2006. № 1: 77-94.

19. *Gadjiev M.S.* On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex // *Iran and the Caucasus*. Vol. 12. No. 1. 2008: 1-15.

20. *Гаджиев М.С.* Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // *Дагестан и мусульманский Восток*. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2010. С.20-37.

21. *Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шагушев К.Б.* Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X – нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. № 3. 2015. С. 183-195.

22. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент. М.: Наука, 1982. 174 с.

23. *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., Гамзатов Г.Г., Салимов С.Б., Хазанов А.М.* Исследования в Дербенте // *Археологические открытия 1977 г.* М.: Наука, 1978: 125-126.

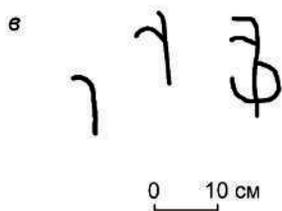

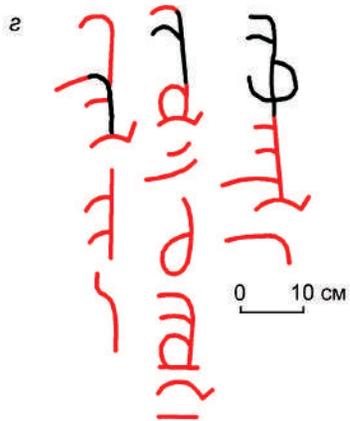
а

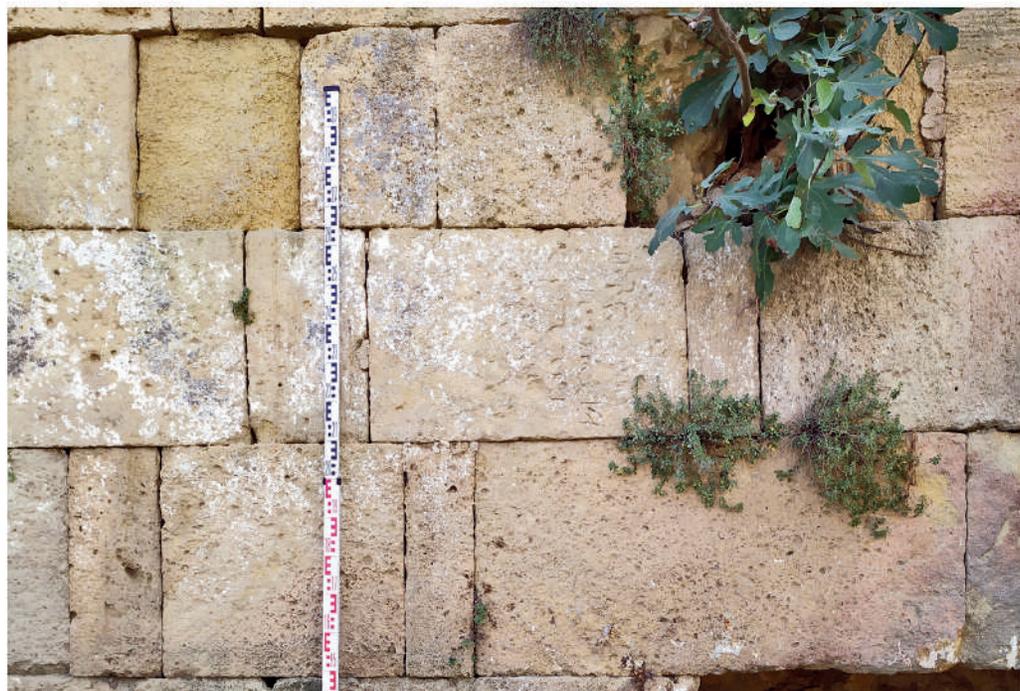
б

0 10 cm

0 10 cm

a

б

Рис. 2. Среднеперсидская надпись № 34

а

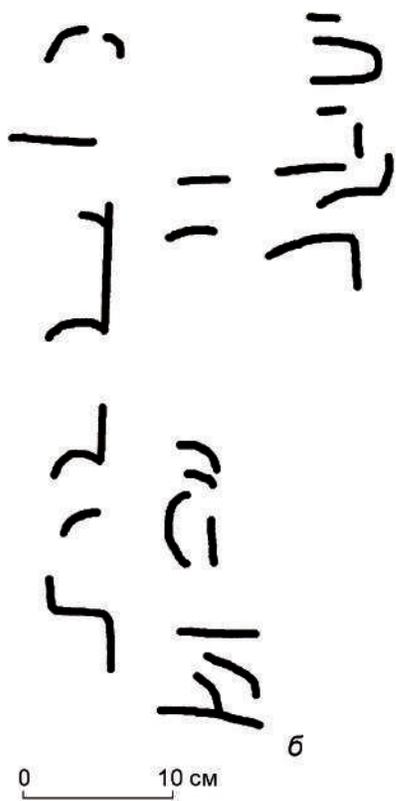

Рис. 3. Среднеперсидская надпись № 34

а

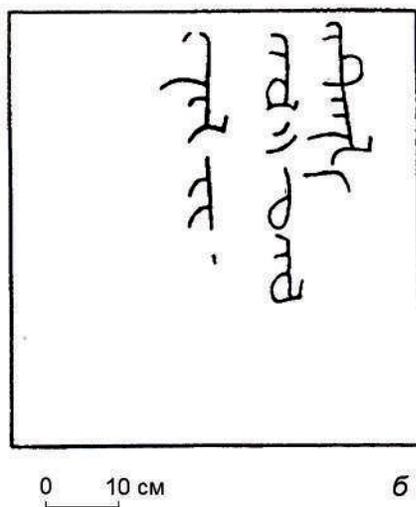

Рис. 4. Среднеперсидская надпись № 27

Рис. 5. Местоположение среднеперсидских надписей № 26 и № 35 на башне № 36 северной городской оборонительной стене Дербента

Рис. 6. Среднеперсидская надпись № 26

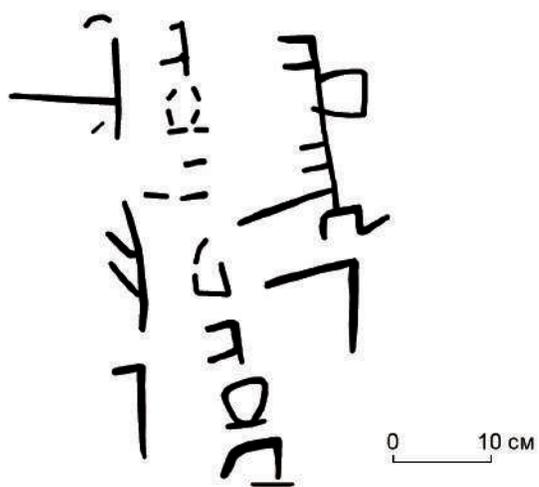

Рис. 7. Среднеперсидская надпись № 35

Рис. 8. Оттиски печатей спахбедов Адурбадагана [Gyselen 2019, p. 270]

Рис. 9. Оттиск печати амаргара Адурбадагана [Gyselen 2019, p. 31]

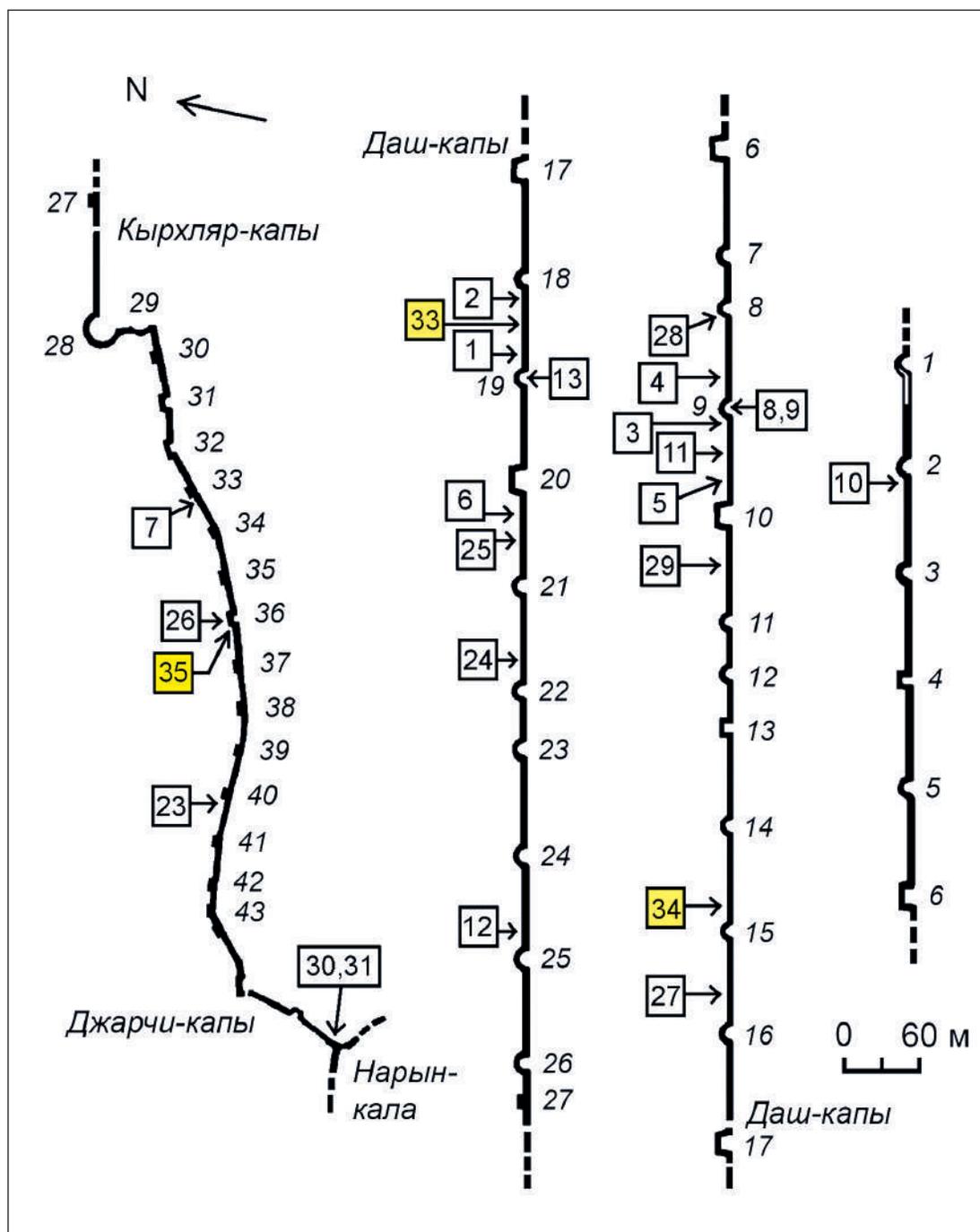

Рис. 10. Местоположение среднеперсидских надписей на северной городской оборонительной стене Дербента

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КОМПЛЕКСА ИНЖЕНЕРНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА р. РУБАС (ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ): ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ИЛИ ГИДРОУЗЕЛ?

Введение

Официальное обозначение комплекса инженерных сооружений в долине р. Рубас – «Остатки монументального каменного строения V – середины VI в. на р. Рубас». В публикациях этот археологический объект именуется как Рубасская фортификация, реже – Рубасский оборонительный комплекс.

Небольшой участок этого сооружения был случайно обнаружен местным жителем с. Коммуна в феврале 2014 г. при вспашке земельного участка. Из постройки было изъято 30 крупных каменных блоков. На месте выборки строительных материалов образовался котлован размером 9×7 м при глубине более трех метров, заполненный грунтом и обломками камней. Целые каменные блоки были вывезены в с. Коммуна и складированы у ворот дома землепользователя. Часть из них подверглась распиловке. Разрушение объекта культурного наследия было остановлено в феврале 2014 г. службой охраны памятников культурного наследия РД согласно информации директора школы с. Рубас Байрамбегова Г.-К.Д. Охранные раскопки этого объекта с целью определения его конструкции и датировки были проведены в августе 2014 г. в рамках заключительного этапа исследовательского проекта РФФИ-Дагестан «Ландшафты Западного Прикаспия в культурогенезе этнических сообществ эпохи Великого переселения народов» № 12-06-96500-р_юг_а. В котловане со строительными остатками и на прилегающей территории были выявлены небольшие участки 4-х строительных объектов разного типа и конструкции. Постройки были сооружены из массивных каменных блоков, что дало основание обозначить их как монументальные [1, с. 108–111]. Был расчищен участок восточного фасада стены №2 протяженностью 2,2 м, выявлено

9 рядов регулярной кладки, установленных ступенчатыми уступами. Его высота составила 2,3 м. Ориентировка – Ю–С, перпендикулярно руслу р. Рубас (рис. 1:1; 2:1). Восточный фасад стены №2 был ограничен с юга участком верхнего уровня стены №3 протяженностью в пределах котлована 3,0 м, ориентированного по направлению З–В (рис. 1:2; 2:4). К западу от котлована был исследован верхний уровень сооружения арочной конструкции, включавшего две массивные базы-опоры №№1–2, проход между которыми (арка) шириной 1,5 м был перекрыт сверху тремя каменными плитами длиной 2,3–2,5 м. Это сооружение было ориентировано продольной стороной в направлении З–В (рис. 1:5; 2:2). К базе-опоре № 2, расположенной к западу от базы-опоры №1, с северной стороны примыкал участок стены №1, ориентированной в направлении Ю–С (рис. 1:6; 2:3).

Необходимость выяснения функционального назначения открытых на р. Рубас строительных объектов, обладавших признаками монументальности (использование в конструкциях фасадов крупных каменных блоков; наличие перекрытия прохода каменными плитами длиной до 2,5 м; значительная высота восточного фасада стены №2 (2,3 м) и необычный (ступенчатый) способ ее конструкции на участке стыковки со стеной №3 и ряд других показателей), обусловили дальнейшее исследование этого объекта. Раскопки этого памятника были продолжены в рамках грантовых проектов 2016–2018, 2020 гг. В 2022 г. раскопки объекта археологического наследия проводились на личные средства автора, при финансовой поддержке коллег и частичном участии администрации ДФИЦ РАН.

Материалы

На Рубасском архитектурном объекте было выявлено и исследовано 6 архитектурных сооружений, обладавших индивидуальной планировкой и конструкцией [2, с. 465–466].

1. Сооружение арочной конструкции (рис. 1:5; 2:2). Конструкция: 2 базы-опоры №№1–2 прямоугольной формы (3,0×1,5 м) с перекрытием прохода между ними (1,5 м) массивными плитами (длина 2,4–2,6 м). Ориентировка сооружения по длине З–В. Расчищено 7 рядов кладки из массивных блоков (высота 2,3–2,4 м) (рис. 6).

2. Стена №1 (рис. 1:6; 2:3). Конструкция: панцирная кладка (восточный фасад) и кладка из бутового камня (западный фасад) с внутренней забутовкой (толщина 1,9 м). Пристроена с севера к базе-опоре №2 сооружения арочной конструкции. Ориентировка С–Ю. Расчищено 7 рядов панцирной кладки (высота 2,3 м). Длина 5,3 м. Восточный и западный фасады сооружены по разным технологиям.

3. Стена №2 (рис. 1:1; 2:1). Конструкция: панцирная кладка и внутренняя забутовка (толщина 3,5 м). Раскрыта на протяжении 28 м. Ориентировка СЗ–ЮВ. Технология: западный фасад – сочетание протяженных участков постелистой кладки и кладки «*opus quadratum*» (рис. 4); восточный фасад – постелистая кладка ступенчатой конструкции с включением небольшого участка с кладкой «*opus quadratum*» (рис. 3:1). Западный фасад раскрыт на высоту 2,5 м (11 рядов кладки), восточный – 2,6 м (11 рядов кладки) (рис. 3–4).

Между западным фасадом стены №2 и сооружением арочной конструкции находился еще один проход, равный по ширине первому (1,5 м) (рис. 6). Предполагается, что арочный проход №2 был перегорожен воротами, которые блокировались брусом (выявлены специальные пазы для установки блокиатора ворот). Исследование прохода между базами-опорами сооружения арочной конструкции не проводилось, т.к. он заполнен селевыми отложениями (рис. 6). В проходах, возможно, использовались защитные заграждения, установленные по системе античной катаракты (подвижный заслон). В кладке западного фасада стены №2 и базы опоры №1 сооружения арочной конструкции имеются вертикальные углубления (высота 1,0 м; 1,9 м) для передвижения защитных приспособлений, а также массивные плиты в основании сооружений для фиксации опущенных защитных устройств (рис. 6).

4. Стена №3 (рис. 1:2; 2:4). Конструкция: комбинированная, включающая участок постелистой кладки прямолинейной формы протяженностью 8,2 м и пристроенное к нему с севера сооружение ступенчатой конструкции округлой (вогнутой) формы протяженностью 4,1 м. Высота стены 2,4 м (10 рядов кладки). Ориентировка прямолинейного участка стены СВ–ЮЗ. Пристроена к восточному фасаду стены №2.

5. Сооружение №5 (платформа) (рис. 1:3; 2:6). Конструкция: послойная кладка (выявлено 6 уровней) из каменных блоков прямоугольной формы. Раскрыто на протяжении 8,0 м (рис. 5). Поверхностный уровень включает 15 вертикальных рядов. Каменные блоки снабжены пазами для установки скоб скрепления. Западный фасад раскрыт на высоту 1,94 м (рис. 5). Платформа имеет уклон к востоку в 22,50. Систем связки с другими сооружениями пока не выявлено.

6. Сооружение №6 (рис. 1:4; 2:7). Конструкция: постелистая кладка ступенчатой установки, включающая участок с кладкой «*opus quadratum*». Пристроено с севера к восточному фасаду стены №2. Ориентировка СЗ–ЮВ. Открытая протяженность 7,7 м (рис. 3:2). Включает северный и южный участки, различающиеся по параметрам и конструкции (соответственно: 5,0 м и 2,7 м). Сохранность

северного участка: высота 1,64 м; 7 уровней кладки. Сохранность южного участка: высота 2,44 м (рис. 3:2).

Выступает за пределы базовой линии восточного фасада стены №2 верхнего уровня кладки на 2,6 м.

Из шести сооружений, выявленных в низовье р. Рубас, четыре были открыты и исследованы в 2014, 2016–2018 гг. (стена №2, стена №3, сооружение арочной конструкции, стена №1). Все они имели признаки монументальности – использование в конструкциях массивных каменных блоков; разнообразие систем кладки; толщина стены №2 сопоставима с толщиной северной стены Дербента (3,5 м); панцирная технология кладки протяженных стен (№№1–2); оригинальная система кладки баз-опор №№1 и 2 (массивные узко удлиненные блоки, установленные по системе «тычок-ложок») и др.

Особым признаком монументальности обладали участки фасадов стены №2, выполненные кладкой «*opus quadratum*». На западном фасаде стены №2 по данной технологии был сооружен участок протяженностью 6,0 м. С юга и севера он состыкован с участками постелистой кладки (рис. 4). На восточном фасаде стены №2 по технологии «*opus quadratum*» оформлен участок протяженностью 2,1 м (рис. 3,1). На двух лицевых плитах нанесены резные изображения тематической направленности (рис. 7-8). На фасаде сооружения №6 ступенчатой конструкции также имеется подобный участок протяженностью 2,6 м. Плиты тщательно обработаны, но изображений на них нет (рис. 3,2).

Полученные данные легли в основу интерпретации исследованных сооружений как военно-технических, оборонительной направленности. Значение имела и хорошая сохранность объектов: стена №2 – 11 рядов кладки, высота 2,5–2,6 м; сооружение арочной конструкции – 7 рядов кладки из массивных блоков, высота 2,3–2,4 м; плиты перекрытия прохода длиной 2,4–2,6 м; стена №1, восточный фасад – 7 рядов кладки, высота 2,3 м.

Обсуждение

В процессе исследования данного памятника накапливалась и альтернативная информация о его назначении и времени сооружения.

1. Сооружение арочной конструкции интерпретировалось как укрепленный проход на занимаемую территорию, перекрытый массивными плитами (сохранилось три плиты из четырех) [3, с. 38–44]. Ширина прохода составляет 1,5 м. Но для прохода это слишком узкое место. К тому же, желоб высотой 1,9 м, оформленный в кладке базы-опоры №2, возможно, используемый для опускания заслона,

перегораживающего проход, находился с внутренней стороны сооружения (южный фасад). Сам проход длиной 2,8 м оставался доступным для неприятеля (рис. 6:1). Такая же ситуация имела и в районе аналогичного прохода, находящегося между западным фасадом стены №2 и базой-опорой №1 сооружения арочной конструкции. Четыре плиты перекрытия прохода не сохранились, но обозначено место их установки. Не сохранился и верхний уровень западного фасада стены №2 в месте нахождения прохода №2. Но в нижней части этого фасада имелся небольшой отрезок желоба высотой 1,0 м для установки защитного устройства (рис. 6:2).

Эти данные могут свидетельствовать об иной функциональной направленности этих проходов, возможно, использовавшихся для сброса воды, скапливавшейся в замкнутом пространстве, ограниченном с трех сторон строительными объектами (стена №1, сооружение арочной конструкции, стена №2) (рис. 1:1, 5, 6; 2: 1, 2, 3).

2. В 2017–2018 гг. на территории, расположенной к северу от строительного комплекса, включающего сооружение арочной конструкции и отрезок стены №1, был расчищен значительный по размерам участок осадочных пород (скопление гальки разного размера, обломков камней и песка). Он вплотную примыкал к западному фасаду стены №2 на протяжении 9,0 м (рис. 1:7; 2:5). Его максимальная толщина составила на северном участке 1,5 м. Южный участок имел пологий скос шириной 4,4 м. Западный край скопления гальки имел овальную, вогнутую форму, направленную к юго-западу. Четкость очертаний этого участка свидетельствует о его контакте с сооружением округлой формы или с сильным потоком воды. По предварительным данным, учитывая ширину галечных отложений, равной расстоянию между западным фасадом стены №2 и восточным фасадом стены №1 и укладываемую в пространство нахождения двух проходов сооружения арочной конструкции, возможно, лишней объем воды сливался в р. Рубас через указанные проходы. Первоначальная версия относительно скопления галечных отложений на этой территории интерпретировалась как селевые, возникшие в результате землетрясения в 9 баллов, наличие которого было установлено сейсмологами [4, с. 91–103; 5. pp. 91–103].

3. Возможно также, что пространство между стеной №1 и стеной №2 было накопителем воды, своеобразным водохранилищем (рис. 1-2). В таком случае стена №2 должна была выполнять функцию плотины, как наиболее протяженная в этом комплексе и наиболее мощная (толщина 3,5 м). Но в регионах наличия исторических остатков ирригационных сооружений (Юго-Восточная Азия) плотины имеют более значительную толщину.

4. В 2020 г. в месте нахождения Рубасского архитектурного комплекса был выявлен необычный объект, обозначенный как сооружение №5 (платформа). Он имел плоскую поверхность с наклоном к востоку в 22,50. В 2020, 2022 гг. участок этого сооружения исследован на протяжении 8,0 м (рис. 1:3; 2:6). Его западный фасад был раскрыт на уровень шести рядов кладки из массивных каменных блоков (рис.5). Каменные блоки двух верхних рядов кладки имели специфическую удлиненную форму и выемки прямоугольной формы для скрепления блоков скобами (рис. 2:6). Поверхность блоков верхнего уровня не имела обработки. Блоки всех других уровней были сглажены. Функциональное назначение сооружения №5 (платформа) пока не установлено, т.к. не раскрыта полностью его форма и размеры. Сооружение имеет продолжение к югу в сторону русла р. Рубас, а также к востоку. Считать «платформу» частью ирригационного сооружения, учитывая его плоскую поверхность и глубокий наклон в одну сторону, пока нет весомых оснований. Необходимо установить его полную форму, размеры и конструкцию.

5. Вызывает вопросы также наличие ступенчатой конструкции двух сооружений – сооружения №6, пристроенного с севера к восточному фасаду стены №2, и стены №3(рис. 1:4, 2; 2: 7, 4). Северный фасад стены №3 имел не только ступенчатую конструкцию, но и верную установку массивных блоков. Функциональная обусловленность столь сложных конструктивных приемов этих сооружений пока не выявлена.

Однако, Е.И. Козубский в сочинении «История города Дербента» упомянул информацию арабского автора IX в. Якуби о наличии водоема вблизи Дербента, в котором имелась лестница: «В стороне от города водоем, известный под названием «водоем Месруфь» (в других списках: суровый, грубый, изверженный). В него ведет лестница, по которой спускаются в водоем, когда воды мало» [6, с. 3]. Эта информация о водоеме с лестницей повторена ал-Казвини (1283 г.) в сочинении «Чудеса сотворенных и диковинки существующих вещей»: «Рядом с городом находился пруд с лестницами, по которым спускались в пруд, когда воды в нем было мало» [6, с. 40].

В Рубасском архитектурном комплексе имеются два сооружения с постройками лестничной структуры – сооружение №6 и стена №3. Сооружение №6 ступенчатой конструкции (7 рядов кладки) открыта на протяжении 7,7 м. Оно было пристроено к северной оконечности стены №2. Имеет продолжение к северу (рис. 1:4; 2:7). Второе сооружение, выполненное ступенчатой конструкцией, является северной пристройкой к фасаду стены № 3 (рис. 1:2; 2:4). Данная пристройка имеет округлую (вогнутую) форму (открытая протяженность 4,1 м). Западным концом она была встроена в восточный фасад стены № 2.

Сохранилось 10 рядов кладки. Возможно, именно в пределах участка, ограниченного массивными каменными сооружениями (сооружение №6 ступенчатой конструкции, стена №2, стена №3 с пристройкой ступенчатой конструкции), мог находиться водоем для накопления воды из р. Рубас (рис. 1–2).

6. Раскопками 2020 г. были зафиксированы некоторые показатели наличия скопления воды у фасада сооружения №6. Слои галечных отложений, примыкавших к этому сооружению, были зафиксированы в месте нахождения южного участка, оформленного в системе «*opus quadratum*» (рис. 1:4; 2:7; 3:2). Галечные отложения перекрывали блоки, установленные в системе «*opus quadratum*» и доходили до нижнего уровня этого участка. Наличие галечных отложений, примыкавших к фасаду сооружения №6, было интерпретировано, как, возможно, результат мощного сея, вызванного землетрясением мощностью 9 баллов. Но, вероятно, галечные отложения были обусловлены наличием на этом участке водоема. Необходимо проведение специализированных исследований.

7. Одной из основополагающих проблем изучения Рубасского архитектурного комплекса является его датировка. Памятник датирован сер. VI в. [2, с. 463, 481], исходя из схожести конструктивных приемов открытых сооружений с Дербентским заградительным комплексом периода господства Сасанидского Ирана (крупные каменные блоки; массивность построек; наличие кладки «*opus quadratum*») [7, с. 31–43; 8, р. 357–390]. Как отмечалось, кладка «*opus quadratum*» использована на Рубасском архитектурном комплексе при возведении стены №2 и сооружения №6 ступенчатой конструкции. На восточном фасаде стены №2 участок этого типа кладки включал четыре блока. Два из них были установлены на ребро лицевой поверхностью наружу, два других – узкой стороной наружу (рис. 3:1; 7–8). На поверхности одного блока было помещено резное изображение коня и всадника, ориентированных по направлению Ю–С (рис. 7). На поверхности другого – две параллельные изогнутые пунктирные линии, обрамляющие участок с мелкими насечками. Вторая половина блока была тщательно заглажена (рис. 7–8). Один тычковый блок разграничивал блоки с изображениями, другой – отделял участок блоков с изображениями от участка с постелистой кладкой, находящегося к северу. На южной оконечности сооружения №6 ступенчатой конструкции, пристроенного с севера к восточному фасаду стены №2, был также помещен участок кладки «*opus quadratum*», аналогичный по типу участку восточного фасада стены №2. Однако он включал пять блоков (два блока установлены лицевой стороной, три – боковой частью). Поверхность ложковых блоков сооружения №6 была сглажена и не имела изображений (рис. 3:2). Расстояние между участками

с кладкой «*opus quadratum*» в пределах восточного фасада стены №2 и пристроенного к нему сооружения №6, составляет 6,7 м. Создается впечатление намеренной, демонстрируемой симметрии в расположении участков с кладкой «*opus quadratum*».

На западном фасаде стены №2 кладка «*opus quadratum*» была включена в его срединный участок протяженностью 5,8 м (рис. 4). Особенность конструкции этого отрезка западного фасада стены №2 состоит в том, что при его сооружении было использовано 2 вида кладки – постелистая и кладка «*opus quadratum*». Постелистая кладка выполняла роль прослоек и перекрытий между двумя рядами кладок «*opus quadratum*». Исследователи отмечают, что в кладке стен Дербента сасанидского периода каменные блоки имеют в основном стандартные размеры в виде прямоугольной плиты среднего размера [7, с. 31–43]. Крупных блоков, аналогичных установленным в западном фасаде стены №2 Рубасского комплекса сооружений, в Дербенте не выявлено. Блоки прямоугольной формы среднего размера были установлены в фасады стен Дербента и в период господства Арабского Халифата. Блоки времени арабского господства отличаются от блоков сасанидского периода более тщательной обработкой. А по размерам они почти одинаковые. Учитывая факт наличия очень крупных блоков в западном фасаде стены №2 Рубасского архитектурного комплекса (три ложковых блока имели длину 1,9 м; 1,9 м; 1,86 м), не использованных в оборонительных сооружениях Дербента, датировка комплекса на р. Рубас была отнесена к более раннему периоду (сер. VI в.), чем Дербент.

Однако, еще Е.М. Козубский заметил, что «...способ кладки при постройках, внесенных сюда арабами, совершенно отличен от того, коим руководствовались зодчие древней Персии сасанидской эпохи. Последние искали только прочности, оттого здания их массивнее. Обыкновенно два больших камня разделены узкою плитой и сами камни, даже обшивавшие лицевую сторону здания, обделаны очень небрежно, и все клалось часто вовсе без цемента, а держались одною тяжестью. В арабском же способе кладки камни обтесывались глаже, и наружная поверхность их предоставляет более или менее длинный прямоугольник почти одинаковой величины, по крайней мере в том ряду камней. Изредка только видно, что два ряда широких камней разделяются одним рядом более узких, и камни постоянно связывались цементом» [6, с. 21].

Средний участок западного фасада стены №2 Рубасского архитектурного комплекса, включающий кладку «*opus quadratum*», построен именно так. Верхний и нижний ряды кладки уложены по системе «*opus quadratum*», они разделены постелистой кладкой в один ряд, блоки которой установлены плашмя. Такими же блоками в один ряд

перекрыт верхний уровень кладки «opus quadratum». Такими же блоками подстиляется второй ряд кладки «opus quadratum» (рис. 4).

Учитывая характерные приемы строительства монументальных сооружений в Дербенте, следует признать, что стена №2 Рубасского архитектурного комплекса, как и все его сооружения, были возведены в период арабского господства в Дербенте.

8. Если архитектурные сооружения на р. Рубас были возведены в арабский период владения Дербентом, то к какому времени они относятся? В местной исторической хронике «Дербент-наме» имеются сведения о факте проведения к Дербенту речной воды для орошения сельхозугодий горожан в период правления халифа Гаруна аль-Рашида (786–809). Но в разных редакциях этого сочинения (к настоящему времени известно более 40 списков) объем информации о канале с речной водой, направленной к Дербенту, разный. Чаще это событие упоминается лаконично в общем списке положительных деяний халифа Гаруна аль-Рашида.

В Румянцевском списке «Дербент-наме» отмечено: «Харун Рашид, сам прибыв в Дербент, сделал много для благоустройства [города]. Он провел в Дербент арыки с водой, построил мельницы, повелел разбить очень много садов и огородов. Он дал повеление брать [средства] расходы для ремонта арыков из доходов от земледелия и от садов...» [9, с. 39]

В Петербургском списке «Дербент-наме» информация почти идентичная: «Харун Рашид, сам прибыв в Дербент, сделал много для благоустройства [города]. Он провел в Дербент арыки с водой, построил мельницы, повелел разбить очень много садов и огородов. Он дал повеление брать [средства] расходы для ремонта арыков из доходов от земледелия и от садов» [10, с. 324]. В этих хрониках указывается факт проведения «арыков» с водой к Дербенту, но не назван источник, откуда поступала вода для полива «садов и огородов».

В историческом сочинении «Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане» Гасана Алкадари (1834–1910 гг.) этот источник назван: «В 173 году, в 790 году христианской веры, Гарун ар-Рашид послал в Дербент правителя по имени Хузейма бен Хазим с отрядом до двух тысяч воинов. Этот новый правитель Хузейма, заставив прорыть канаву из реки Рубаса, провел воду на Дербентские земли, дал развести ниже этой канавы сады, огороды, пашни и построить мельницы» [11, с. 28].

Более обширные исторические данные о времени проведения ирригационных сооружений от низовий р. Рубас к Дербенту имеются в исследовании Е.И. Козубского «История города Дербента», изданной в 1906 г. Автор активно пользовался сочинением «Дербент-наме», часто помещая прямые цитаты из него. При этом использовалась

фраза «Дербент-наме говорит»: и далее указывалась цитата из этого источника в кавычках. Информацию из этого сочинения относительно р. Рубас и проведенных к Дербенту ирригационных сооружений Е.И. Козубский передал в авторском изложении: «Не довольствуясь восстановлением порядка в Дербенте через наместника, Гарун сам приехал в этот город. Он возвел на р. Рубас укрепления и приказал запрудить ее и провести ее воду по окрестностям Дербента, чем обводнил большое пространство степи, превратив ее в плодородный оазис. Разрушив часть крепостных стен и исправив остальную, он приказал развести сады, огороды и виноградники, снабдив их водой через водопроводы, устроив на последних мельницы, доходы с которых пожертвовал в пользу бедных города» [6, с. 31]. Е.И. Козубский при этом указал, что эти данные он почерпнул из «Дербент-наме»: «Если известие Дербент-наме о 7-летнем пребывании Гаруна в Дербенте верно, то, конечно, город много выиграл от пребывания пышного двора халифского» [6, с. 31].

По данным «Дербент-наме», халиф Гарун аль-Рашид правил в период 786–809 гг. (13 лет). В 789–790 г. он отправил в Дербент 12000-е войско во главе с Хазимом бен Чархи для восстановления порядка. Вскоре он сам приехал в Дербент и находился там

7 лет (790–797 гг.). В этот период (790–797 гг.) он организовал строительство ирригационных сооружений на р. Рубас.

Мероприятия по их сооружению включали: 1) на р. Рубас возвел «укрепления»; 2) «запрудил» р. Рубас; 3) «провел воду по окрестностям Дербента»; 4) «обводнил большое пространство степи».

По данным «Дербент-наме» определяется: 1) на р. Рубас были сооружены «укрепления»; 2) на р. Рубас была возведена «плотина»; 3) на р. Рубас была создана «запруда» (накопитель воды); 4) был прорыт канал (Рубас-Дербент) протяженностью 20 км; 5) была создана сеть каналов в южных окрестностях Дербента.

Если позиции мероприятий халифа Гаруна аль-Рашида №№2–4 из текста источника как-то определяются, то позиция №1, включающая термин «укрепления» на р. Рубас, не совсем понятна. Термин «укрепления» может означать военно-техническое сооружение для охраны важного объекта на р. Рубас. Но под этим термином может также пониматься комплекс прочных сооружений, составляющий гидроузел и способствующий подаче воды из реки в запруду (водохранилище), образованную плотиной. Далее вода поступала в канал, прорытый от русла р. Рубас до Дербента.

Е.И. Козубский в своем труде не дал ссылок на конкретный вариант «Дербент-наме», откуда была почерпнута указанная им информация о структуре ирригационных сооружений на р. Рубас. Но одно понятно, что ирригационный объект на р. Рубас включал сеть прочных

специальных сооружений, а также плотину, водохранилище и канал Рубас-Дербент. Ясно также, что обустройство этого объекта на р. Рубас заняло значительный период времени (возможно, 7 лет) и что в более ранний период (господство сасанидов) таких работ не проводилось.

9. Что касается возведения «плотины» на р. Рубас для создания «запруды» (накопителя воды), то имеются некоторые показатели ее возможного бывшего наличия.

В русле р. Рубас на участке, расположенном к югу от местоположения архитектурного объекта, в береговом урезе левого берега реки и на ее дне зафиксировано скопление крупных каменных блоков со следами обработки и специфическими деталями их конструкции. По форме, размерам и технологии обработки каменные блоки, находящиеся в русле р. Рубас, идентичны каменным блокам, использованным при возведении стен №№2-3 и сооружения в виде платформы (рис. 1).

10. Исходя из имеющихся данных, следует признать, что исследуемый археологический объект на р. Рубас был возведен в период 790–797 гг., т.е. в конце VIII в., а не в сер. VI в. как это отмечалось ранее.

В пределах раскопа площадью 403,5 кв. м не было обнаружено артефактов, свидетельствующих о времени функционирования данного объекта. Имеются данные (керамика) о более позднем периоде освоения этой территории (X–XII вв.). В письменных источниках также нет данных о разрушении ирригационных сооружений на р. Рубас, обслуживающих потребности г. Дербента.

Однако, исходя из мощности участка осадочных пород, зафиксированного в пределах Рубасского архитектурного комплекса (рис. 1:7; 2:5), возможно установить продолжительность периода его накопления. Считается, что в течение одного года накапливается 1,0 см осадочного материала. Исходя из толщины участка с осадочными материалами на Рубасском архитектурном объекте (1,5 м), продолжительность его формирования осуществлялась в течение 150 лет. Функционирование ирригационного комплекса продолжалось, видимо, до 940 г. Вероятно, этот объект был серьезно поврежден землетрясением силой 9 баллов и более не эксплуатировался.

В 2018 г. при расчистке западного участка поверхности осадочных пород были зафиксированы признаки обживания этой территории местным населением. Была обнаружена выемка округлой формы (диаметр 0,2 м, глубина 0,1 м). Данная выемка фиксировала нижний уровень установки столба, использованного в конструкции жердевых построек. В пределах северного борта раскопа на глубине 0,9 м и 1,04 м имелось еще две выемки диаметром 0,14 м и 0,2 м при глубине 0,2 м. Возможно, на поверхности участка с осадочными породами

находилась постройка столбовой конструкции. На этом участке были найдены обломки двух керамических сосудов (фрагмент керамического горшка с ручкой и фрагмент керамического котла с горизонтальной ручкой), а также фрагменты других сосудов. Данные факты свидетельствуют об интенсивном обживании территории, прилегающей к западному фасаду стены №2 архитектурного комплекса в период X–XII вв.

Выводы

Возможно, дальнейшие раскопки этого оригинального памятника раскроют все «тайны» этого объекта. Имеющиеся данные в «Дербент-наме» и архитектурные особенности выявленных сооружений на р. Рубас (арабская система конструкции массивных стен и др.) свидетельствуют о вкладе арабских инженеров и конструкторов в создание столь сложных технических объектов в VIII в.

Исследование памятника проведено в течение шести полевых сезонов (2014, 2016–2018, 2020, 2022 гг.). Запланированы его раскопки в 2023 г. Новые данные, отмеченные в статье, открывают неизвестные особенности конструкций сооружений, составляющих этот комплекс, уточняя его функциональную направленность.

Но, как ни странно, авторы этого строительного проекта поместили на восточном фасаде стены №2 резное изображение, по сути являющееся визитной карточкой проектировщиков этого уникального сооружения.

Как отмечалось, на поверхности одного из блоков имеется рельефное изображение коня, направленное головой к северу, в сторону Дербента, а также, возможно, наездника (рис. 7). Это изображение может символизировать собирательный образ арабского воина, покорившего великий город-крепость. На второй плите также имелось резное изображение, но больше похожее, на наш взгляд, на план сооружения, возведенного на р. Рубас. В верхней угловой зоне плиты нанесено скопление рельефных насечек узко прямоугольной формы. Их скопление обрамляет двойная пунктирная линия дугообразной формы, разделяющая поверхность блока по диагонали – от левого нижнего, до правого верхнего угла. Нижняя угловая зона плиты была сглажена (рис. 7-8).

Что хотел показать автор резного изображения – направление канала, ведущего к Дербенту или символическую стену, защищающую Восток от вторжений кочевников? Возможно, тематические изображения служили своеобразными защитными талисманами этого технического объекта.

В сообщениях ал-Якуби и ал-Казвини, приведенных Е.И. Козубским относительно нахождения вблизи г. Дербента «водоема» («пруда») с лестницей [6, с. 33, 40], отмечено также наличие по обеим сторонам лестницы скульптурных изображений: «По обеим сторонам лестницы были изображения двух львов из камня, о которых говорили, что они служили талисманом для стен, и что пока они остаются, никакая обида от турок не постигнет город» [6, с. 40]; «...по бокам лестницы два льва из камня, а над одним из них каменная статуя человека. Над домом правителя... изображение двух львов также из камня, выступающее из стены. Жители Баба говорят, что это талисман стены» [6, с. 33].

Если наше заключение о функциональном назначении архитектурного объекта на р. Рубас (гидротехническое сооружение VIII–IX вв.) окажется верным и дальнейшие раскопки этого объекта подтвердят это, можно определить этот проект транспортировки воды из р. Рубас в Дербент как «проект жизни», позволивший жителям Дербента обводнить южные окраины этого города, разбить сады и огороды для благоустройства горожан. А сам халиф Гарун аль-Рашид прославился именно этими деяниями, отмеченными в письменных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гмыря Л.Б.* Открытие новой монументальной фортификации Сасанидского Ирана в долине р. Рубас (Южный Дагестан) // *The Scientific Heritage*. 2016. № 6. P. 108–111.
2. *Гмыря Л.Б.* Технологические приемы возведения военно-инженерных сооружений Рубасской фортификации VI в. (Восточный Кавказ) // *История, археология и этнография Кавказа*. 2022. Т. 18. № 2. С. 463–496.
3. *Гмыря Л.Б.* Сооружение арочной конструкции в системе монументального оборонительного комплекса середины VI в. на р. Рубас в Западном Прикаспии // *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 2. С. 38–44.
4. *Гмыря Л.Б., Корженков А.М., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Рогожин Е.А.* Вероятные палеосейсмические деформации на Рубасском археологическом памятнике середины VI в., Южный Дагестан // *Геофизические процессы и биосфера*. 2019. Т. 18. № 3. С. 91–103.
5. *Gmyrya L.B., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S., Rogozhin E.A.* Probable Paleoseismic Deformations at the Rubas Archeological Site, Mid-6th Century AD, South Dagestan // *Izvestiya, Atmospheric and Oceanic Physics*. 2019. Vol. 55, No. 10. P. 1547–1558.
6. История города Дербента. Составитель Е.И. Козубский, действительный член-секретарь Дагестанского статистического комитета. Темир-Хан-Шура: "Русская типография" В.М. Сорокина, 1906. (Переиздание 2015 г.). 486 с.
7. *Кудрявцев А.А.* «Длинные стены» на Восточном Кавказе // *Вопросы истории*. 1979. № 11. С. 31–43.
8. *Gadzhiev M.S., Kudryavtsev A.A.* Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts N. Chr. in Darband // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2001. Vol. 33. P. 357–390.

9. Дербент-наме (Румянцевский список). Введение, перевод, комментарии Г.М.-Р. Оразаева // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 302 с.

10. Дербент-наме (Петербургский список 1225 (1810) года. Перевод с азербайджанского Г.М.-Р. Оразаева // Дербент-наме на языках народов Дагестана: тексты и комментарии. Махачкала: МавраевЪ, 2012. 408 с.

11. *Алкадари Г.-Э.* Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане / Пер. А. Гасанова. Махачкала, 2009. 240 с.

Рис. 1. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. 1 – стена № 2; 2 – стена № 3; 3 – сооружение № 5 (платформа); 4 – сооружение № 6 (пристройка); 5 – сооружение арочной конструкции; 6 – стена № 1; 7 – отложения селя. Вид с востока. Аэрофотосъемка беспилотным летательным аппаратом 2022 г.

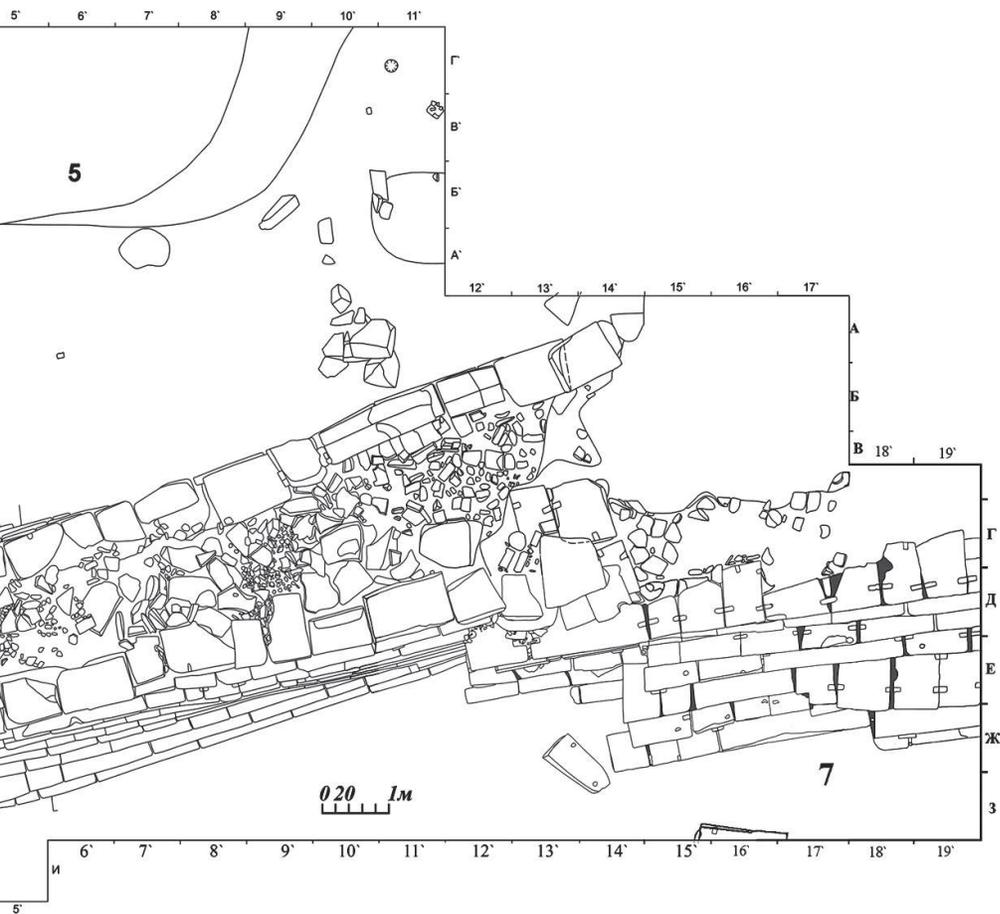
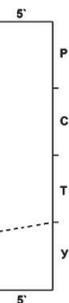

Рис. 2. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
План исследованных сооружений, 2022 г.
1 – стена № 2; 2 – сооружение арочной конструкции; 3 – стена № 1;
4 – стена № 3; 5 – отложения селя; 6 – сооружение №5 (платформа);
7 – сооружение №6 (пристройка)

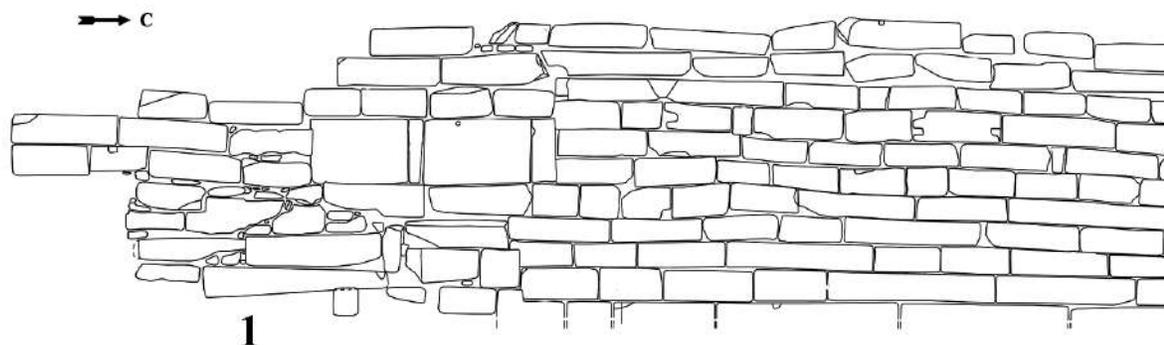

Рис. 3. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
1 – восточный фас стены. №2; 2 – сооружение №6

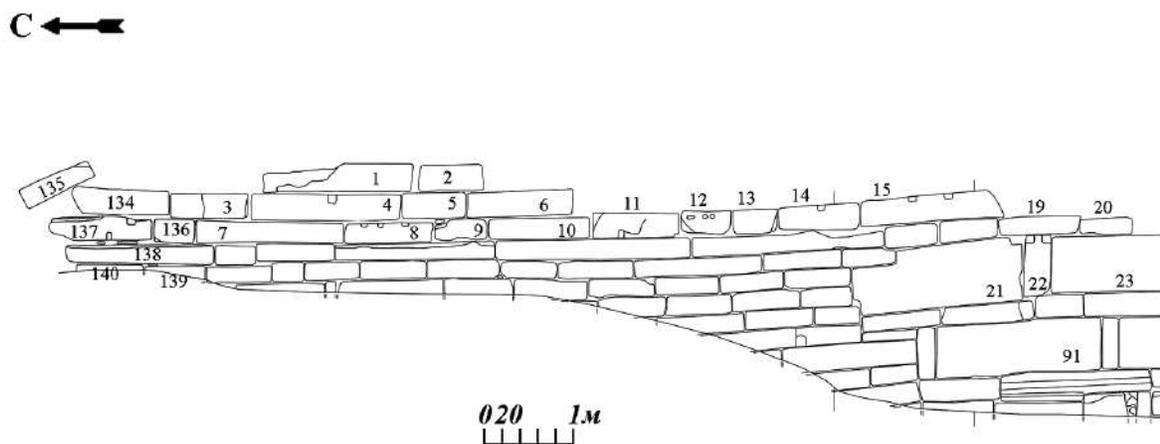
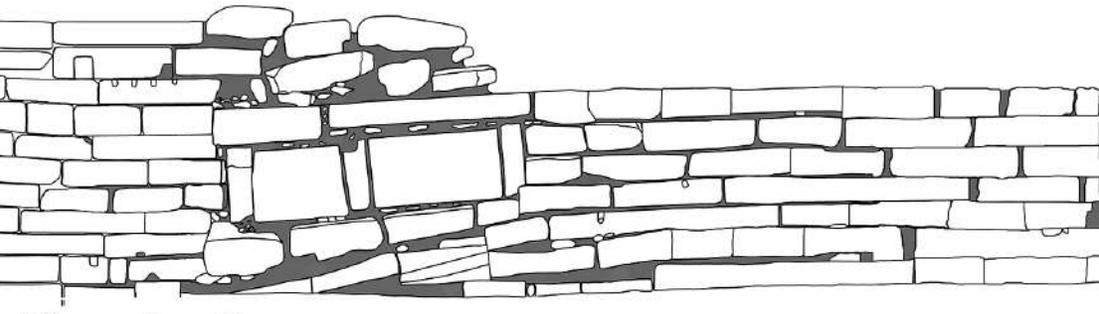

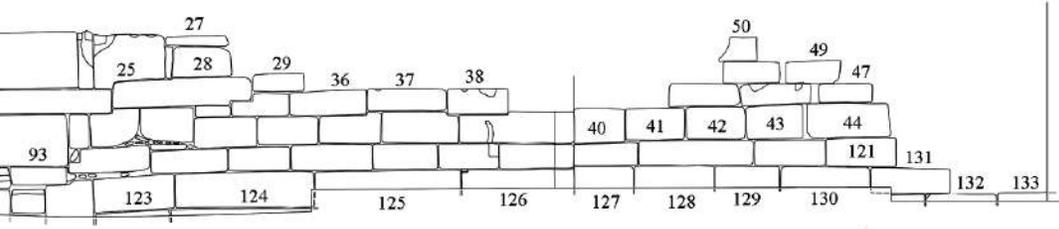
Рис. 4. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
Стена 2. Западный фас. 2018 г.

±0 12' 13' 14' 15' 16' 17' 18' 19'

0 20 1M

2

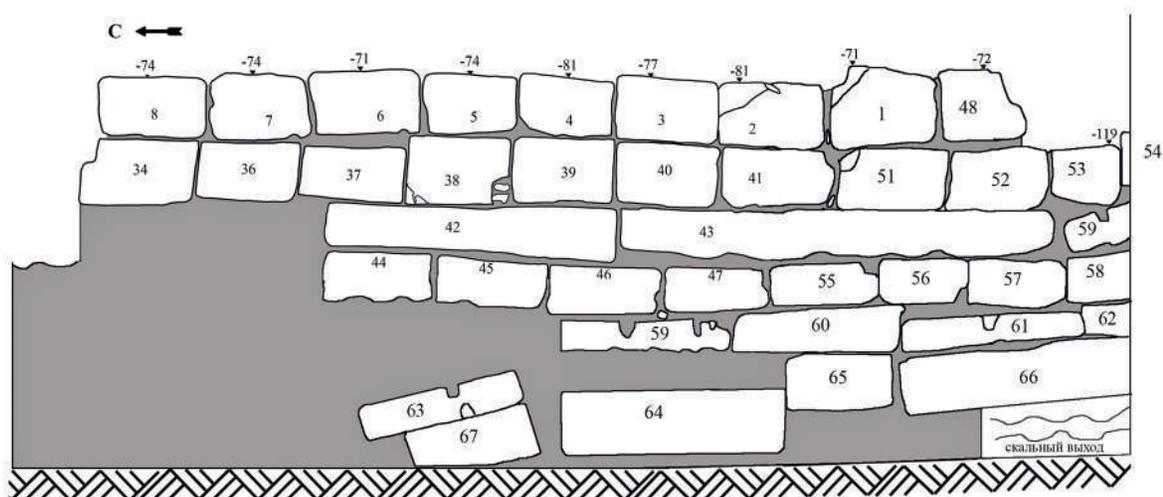

Рис. 5. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
 Сооружение №5 (платформа).
 Западный фас с указанием нивелировочных отметок №№ блоков
 и участка 2022 г.

Рис. 6. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас.
 1 – сооружение арочной конструкции; 2 – стена №2. Вид с юга. Фото 2020 г.

Рис. 7. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Сооружение №2. Восточный фасад. Блоки №№51-53. Вид с востока

Рис. 8. Монументальное архитектурное сооружение на р. Рубас. Сооружение №2. Восточный фасад. Блоки №53. Вид с востока

Ханизов Ш.М.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ДАТУНСКОГО ХРАМА

В средневековый период одним из крупных государств Кавказа, согласно дагестанским хроникам, было Аварское нуцальство, известное в арабских и персидских источниках как царство Сарир. По письменным источникам в VII–XIV вв. здесь было распространено христианство, в X–XIII вв. являвшееся государственной религией.

Утверждение такого статуса произошло, вероятно, в середине X в. и было связано с активизацией внешней политики Византийской империи, которая действовала на Восточном Кавказе через посредство Грузинской церкви. Этот процесс происходил синхронно с ослаблением Армянской церкви и усилением позиций православия (диофизитства). Письменные источники позволяют проследить его на примере так называемого Второго Албанского царства (*арм.* царство Алванк, *груз.* царство Эрети, *араб.* царство Шаки), располагавшегося в Алазанской долине и прилегающих южных склонах Кавказа. Согласно сведениям Драсханакерци (ок. 850–929), относящимся к нач. X в., население этого царства «из нашего народа и паства пажити нашей» [1, с. 161]. Т.е. население Албанского царства, в том числе прилегающих горных районов, в это время придерживалось христианства армянского толка (монофизитство). Но в сер. X в. царь Ишханик (943–959), сын царицы Динар, дочери Адарнарсэ Багратиони из Тао-Кларджети, под влиянием своей матери перешел в лоно православия и ввел в царстве диофизитское вероисповедание [2, с. 38–40].

На основе анализа армянских письменных источников мы можем прийти к выводу о том, что такой же процесс в сер. X в. произошел в царстве Сарир. Следует обратить внимание на сообщение Степанося Таронеси (рубеж X–XI вв.), согласно которому князь Бер, который идентифицируется с нуцалом Аварии (Сарира) Байаром II (Бухт-Йишо II), правившим в сер. X в. [3, с. 67], предпринял поход на Армению.

Перейдя Куру, войско под командованием Бера, напало на армян, но правитель попал в плен и содержался в городе Карс, пока не был выкуплен «ценою золота» и заключения мирного договора [4, с. 117–118]. Поход этот состоялся, вероятно, в 932 г. в правление царя Армении Абаса I Багратуни (929–953) [5, с. 72]. При описании похода

Бера/Байара на Армению, армянские источники увязывают эту акцию с требованием освятить возведенную церковь святых апостолов в Карсе по халкидонскому чину. Учитывая, что в 930-е гг. при царе Абасе I произошел разрыв союза Византийской империи и Армении, и начались гонения на армянских монахов-монофизитов в Византии, откуда они массово бежали в Армянское (Анийское) царство, становятся очевидными корни указанного конфликта и проходивших тогда процессов в христианском мире Кавказа. Поскольку церковь в Ани была освящена в 931–932 гг., то поход тоже был осуществлен в этот же период и, по всей видимости, был инспирирован Византией, стремившейся покончить с независимостью Армянской церкви [5, с. 70–72].

Очевидно, что переход от монофизитства к диофизитству в Албанском царстве, произошедший в 930-е гг., а также аналогичный процесс в Сарире – следствие политики Византийской империи. Таким образом, есть основания полагать, что с сер. X по нач.

XIII в. Константинополь в определенной степени осуществлял свою политику на Восточном Кавказе посредством Сарира, являвшегося оплотом православного христианства на Восточном Кавказе.

Наиболее ярким и значимым свидетельством, демонстрирующим глубину проникновения христианской культуры и православия в среду местного населения и уровень общественного и культурного развития, является наличие в Аварии большого числа христианских храмов [6, с. 2, 6]. Как отмечал Г. Гамбашидзе, такого типа культовые постройки, как зального типа церкви, хотя и не выделяются сложными архитектурно-декоративными данными, но важны в историко-социологическом плане – построенные сельчанами для религиозной службы, они являются доказательством проникновения христианской религии вглубь, в среду местного населения [6, с. 7].

До нас дошел единственный сохранившийся в Дагестане почти в первозданном виде Датунский храм (рис. 1, 3, 4), расположенный в горной зоне – в ущелье *ГьатІан-кІкІал* (в пер. с авар. – «церковное ущелье»; авар. *гьаІан* – «церковь»), недалеко от одноименного сел. Датуна (Шамильский район РД). Этот памятник христианской архитектуры хорошо известен по литературе XIX–XX вв. Его упоминали в своих работах Д.Н. Анучин, А.П. Берже, Е.И. Козубский, Н.Б. Бакланов, А.П. Круглов, обстоятельные его архитектурные исследования провели Р.О. Шмерлинг [8] и В.И. Марковин [7]. И нашей задачей является не описание самого храма, а определение более точной даты его строительства, исходя из данных письменных источников.

Датунская церковь, как давно определили исследователи, является собой классический пример грузинской церковной архитектуры.

На основании архитектурных особенностей, Р.О. Шмерлинг установила его органическую связь с памятниками грузинского средневекового зодчества и «твердо и точно» датировала этот памятник «относительно небольшим отрезком времени» – самым концом X или первыми годами XI в. [8, с. 217].

Эта датировка, как видится, находит подтверждение и может быть уточнена при обращении к надписям на серебряных пластинах – образцах ювелирного искусства, изъятых в XVI в. из монастыря Зарзма в юго-западной Грузии, занятой османами.

На одной из пластин имеется надпись грузинским шрифтом *асомтаврული*: «Христе, возвеличь *Бахтишор-хуасро*¹ царя!». Там же имеется приписка, сделанная более мелким шрифтом: «Христе, помилуй казначея дома». На парной пластине указана и дата: «Корони-кон 228», т.е. 1008 год [9, с. 98–107; 10, фото 107].

Согласно хронике XI в. «Тарих ал-Баб» («История Ширвана и Дербенда»), в 1025 г. дербентский амир Мансур «женился на Сарийе, дочери Бухт-Йишо, владельца Сарира» [11, с. 70, 136]. Д.Л. Мусхелишвили установил [12, с. 149], что он же упоминается и в вышеуказанной надписи. При обращении к дагестанским источникам выясняется, что сирийское (арамейское) по происхождению теофорное имя² Бухт-Йишо (от *ἰῥῶς* – «Иисус») было церковным именем³ правителя Аварии Байара III, правившего на рубеже X–XI вв. [3, с. 68–69].

На восток от Датунского храма, на левом берегу безымянной речки расположено неисследованное средневековое поселение (рис. 2), где встречаются обломки средневековой керамики, и его могильник. О нем писал еще в XIX в. С.А. Берже: «Близ церкви находятся развалины построек и запустевшие, но, как видно, когда-то выделявавшиеся виноградники и поля, свидетельствующие, что тут находилось поселение, которое, как гласит предание, летом, по случаю сильных жаров, выходило на окрестные высоты, называвшиеся Тлияни, где также видны развалины построек. Теснота ущелья, приютившего в себе церковь и скудость окружающей природы, заставляют думать, что *церковь не имела особого прихода* (здесь и ниже выделено мной – Ш.Х.), но что сюда стекались из других мест на богомолье» [13, с. 59]. Судя по занимаемой площади, это поселение состояло из нескольких десятков жилых строений и, вероятно, являлось своего рода зимней резиденцией нуцалов Аварии, поскольку климат в столице царства на Хунзахском плато весьма суровый. В пользу этого предположения

1 Хуасро – титул, обозначающий правителя и происходящий от личного имени шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531-579).

2 Теофорное имя (греч. *θεός* «бог» + *φορός* «несущий») – личное имя, включающее в себя имя бога (богов) или божественный эпитет.

3 Имя, которым обычно нарекаются при крещении или при монашеском постриге и которое не тождественно имени личному.

говорит традиция, сохранившаяся у нуцалов в Позднее Средневековье, и информация М. Алиханова-Аварского. Основываясь на устной традиции, зафиксированной в XIX в. у местных старожилов, он писал: «...в старину Датун, говорят они, составлял личную собственность аварских ханов»⁴.

К сожалению, поселение близ Датунского храма еще не исследовано археологами, и поэтому сложно однозначно охарактеризовать его. Однако, на наш взгляд, можно предположить, что это было поселение зависимого сословия, работавшего при зимней резиденции нуцала Аварии. Как представляется, подобное поселение было подробно исследовано в 30 км ниже по течению р. Аварское Койсу (Авар-ор) в урочище Ортаколо. По итогам исследования поселения и его могильника, археологи пришли к следующим выводам. Урочище мало приспособлено к пахотному земледелию, а сами возделываемые террасы невелики по площади. Высокая плотность расположения могил на крутом склоне и многоактное использование каменных гробниц с выкладыванием более ранних погребенных на перекрытиях свидетельствует об ограниченности земельных ресурсов. Бедность погребального инвентаря и практически полное отсутствие оружия в погребениях, а также фиксируемые у погребенных травматические повреждения, которые носят либо «бытовой», либо «оборонительный» характер, могут указывать на то, что население было, скорее, объектом набегов, а не его участником.

Краниологические материалы некрополя данного поселения продемонстрировали необычный и весьма неоднородный состав его населения и свидетельствуют о различном его происхождении. На основе данных фактов, авторы пришли к выводу, что «население, оставившее комплекс памятников в урочище Ортаколо, представляет собой так называемых лагов⁵ – пленных, являющихся ограниченной в правах группой населения», и сформировалось оно из представителей различных областей Кавказа [14, с. 209–210].

Как представляется, таким же поселением зависимого сословия могло быть и Датунское, располагавшееся, как и поселение Ортаколо, около храма и также имевшее ограниченные земельные угодья. Конечно, ответ на поставленный вопрос могут дать только комплексные исследования этого поселения и его могильника.

Столь небольшое поселение не могло быть инициатором возведения такого дорогостоящего здания. Указанные обстоятельства могут говорить в пользу того, что Датунская церковь была построена

4 Алиханов-Аварский М. В горах Дагестана. XXI // Газета «Кавказ», 25.09.1896 г.

5 Лаг (авар. – лагъ) – зависимое сословие, представленное обычно пленными или их потомками. Они обычно не имели в частной собственности недвижимости и отбывали различные повинности или выплачивали продуктовую ренту в пользу земельных собственников.

по заказу правителя Аварии в его резиденции профессиональным архитектором из Грузии. Также по заказу правителя Аварии профессиональным ювелиром из Грузии в 1008 г. были изготовлены предназначенные для церкви серебряные пластины с изображением библейских сюжетов. При сопоставлении этих фактов и с учетом архитектурных особенностей, а также датировки прочих церквей Аварии, выглядит правомерной гипотеза о том, что Датунский храм мог быть построен в 1008 г. (дата, указанная на пластинах) по заказу царя Сарира

Байара III, упоминаемого в письменных источниках под церковным именем Бухт-Йишо или Бахтишор. Тогда же была изготовлена церковная утварь для неё, частью которой являются вышеуказанные серебряные пластины. Можно полагать, что после принятия ислама местным населением, священники Датунского храма переехали на территорию Грузии и захватили с собой церковную утварь.

Малые размеры поселений были обычным явлением в царстве Сарир, о чем свидетельствуют письменные источники. Арабский историк ал-Масуди в сочинении «Мурудж аз-захаб» (завершено в 956 г.) пишет, что у правителя Сарира *«было 12 тысяч селений, из которых он набирал столько слуг, сколько желал. Его страна суровая, и по этой причине недоступная, будучи расположена на одном из отрогов Кабха»* [11, с. 204]. Ал-Йакуби (ум. 897/98) в своём сочинении «Китаб ал-булдан» со ссылкой на чиновников, работавших на Кавказе, приводит ценные сведения о Сарире. По его словам, здесь имелось 18 тысяч населенных пунктов, и по этому количеству Сарир превосходил все области на Кавказе [15, р. 207].

Обращение к археологическим материалам и исследованиям дагестанских этнографов позволяет характеризовать подавляющее большинство этих населенных пунктов как мелкие, т.н. тухумные поселения, состоявшие не более, чем из 2-3 десятков хозяйств. Уже после развала единого централизованного государства Сарир возникают условия для набравшего обороты процесса синойкизма, датируемого автором XIII–XIV вв. Этот процесс заключался в процессе формирования более крупных сельских общин за счет объединения ряда мелких тухумных поселений. Обусловлен он был в первую очередь начавшейся междоусобицей вследствие внутреннего кризиса и деформации централизованной власти в Аварском нуцальстве в конце XIII–XIV вв., а также, вероятно, внешней агрессией. В результате множество мелких населенных пунктов столкнулись с необходимостью самим обеспечивать свою безопасность и объединяться в крупные территориальные сельские общины, занимая под поселения наиболее приспособленные к обороне места или уже существующие населенные пункты, подвергавшиеся укрупнению за счет подселения

к ним соседних тухумов. В ходе этих процессов более эффективная в экономическом отношении система хуторского расселения подверглась коренной трансформации. В частности, так происходило формирование наиболее крупных поселений Андалала во второй пол.

XIV в. К примеру, одна из крупных общин – Ругуджа – образовалась в 1365 г. за счет объединения около десятка тухумных поселений [16].

По всей видимости, Датунская церковь функционировала до начала последней четверти XV в. – до времени, когда в этой зоне утвердился ислам. Расположенная рядом с Датунским храмом сельская община Батлух, как и союз общин (авар. бо) Гидатль, приняла ислам в 1475/76 г. [17]. Как гласит предание, записанное в 1946 г. Г.Я. Мовчаном в сел. Тлях (общество Гидатль), *«когда утвердилась истинная вера, гидатлинцы пошли на христиан походом и разрушили Датунскую церковь. Оттуда взяли три двери. Одна хранилась в Ураде, другая – в Генте, третья – вот эта – у нас, в Тляхе»*. Речь идет о деревянной трехдверной перегородке, длиной 2,5 м и высотой ок. 1,6 м, покрытой красивым, искусно выполненным резным узором, и являвшейся, по мнению исследователя, алтарной преградой. [18, с. 161-162]. Несмотря на неоднократные попытки автора найти ее в Тляхе, к сожалению, дальнейшую судьбу данного артефакта выяснить не удалось.

В завершении отметим, что относительно позднее приобщение населения этой горной зоны Дагестана к исламу позволило дольше сохраняться здесь христианству и, соответственно, письменной традиции на основе грузинского алфавита. Аналогичным образом, в Гидатле могла сохраниться и рукопись с текстами Евангелий от Марка и Луки, недавно выявленная в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН – как оказалось, ранее известная рукопись является палимпсестом, и поверх грузинского текста нанесен арабский. Рукопись состоит из 168 листов пергамента (средний размер листов 16,5×10 см), а не бумаги, что само по себе весьма редкое явление для средневекового Дагестана. Это обстоятельство свидетельствует о проявлении культурного влияния Грузии в Аварии посредством распространения грузинских рукописей. Изучение арабского текста показало, что мы имеем дело с суфийским сочинением рубежа X–XI вв., написанном в восточном Иране и переписанном в XVI в. в Горном Дагестане. Собственно, неканонический текст евангелий, написанный шрифтом асомтаврули, датируется второй пол. VII–VIII вв.

Очевидно, что рукопись, написанная красивым, выверенным почерком золотистой краской, не была составлена в Дагестане, а была написана или в самой Грузии, или же в каком-либо грузинском

монастыре за пределами страны и после привезена в Грузию [19]. Оттуда уже она могла быть приобретена царем Сарира для Датунской церкви или иным путем попасть на территорию Дагестана. Нами уже было высказано предположение о том, что возможно рукопись хранилась в одном из местных средневековых храмов Аварии (Сарира) и впоследствии она, очевидно, попала в руки переписчика-катиба арабских рукописей. Данное объяснение кажется нам логичным, поскольку набеги горцев на Грузию до XVII в. были явлением чрезвычайно редким и потому крайне маловероятна версия о том, что данная рукопись была трофеем, захваченным во время похода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иованнес Драсханаркертци*. История Армении. Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван: Советакан грох, 1986.
2. *Мухелишвили Д.Л.* Из исторической географии Восточной Грузии: (Шаки и Гогарена). Тбилиси: Мецниереба, 1982.
3. *Хализов Ш.М.* Нуцалы Аварии (историко-генеалогическое исследование). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2021.
4. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию – писателя XI столетия / пер. с арм. и коммент. Н. Эмина. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1864.
5. *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М.: Индрик, 2015.
6. *Гамбашидзе Г.* Вопросы христианской культуры и исторической географии Аварии в свете результатов дагестано-грузинской объединенной археологической экспедиции АН ГССР и СССР. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
7. *Марковин В.И.* О христианизации горцев северо-восточного Кавказа и храме Датуна в Дагестане // *Художественная культура средневекового Дагестана*. Сборник статей. Махачкала, 1987. С. 37-48.
8. *Шмерлинг Р.* Церковь в с. Датуна в Дагестане // *Журнал «Мацне»*. Тбилиси, 1968. № 2. С. 211–218.
9. *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Текст. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959.
10. *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Иллюстрации. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959.
11. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Наука, 1963.
12. *Мухелишвили Д.* Грузино-дагестанские культурно-исторические связи в раннем средневековье // *Kavkasiur-Akhloagmosavluri krebuli [Caucasian-Oriental Collection]*. Tbilisi, 2011. С. 147-150.
13. *Берже Ст. Ад.* Кавказ в археологическом отношении. Тифлис: Тип. глав. управ. наместн. кавказск., 1874.
14. *Малашев В.Ю., Фризен С.Ю.* Краниологические материалы из Гочатлинского 3-го (Ортоколинского) могильника (Хунзахский район, Республика Дагестан) // *Сибирские исторические исследования*. 2022. № 3. С. 195–212.
15. *The Works of Ibn Wāḍiḥ al-Ya' qūbī. An English Translation. Volume 1.* Edited by Matthew S. Gordon, Chase F. Robinson, Everett K. Rowson, and Michael Fishbein. Leiden, 2017.

16. *Хапизов Ш.М.* Ругуджинская надпись (о распространении христианства и ислама в Аварии) // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2015. Вып. № 56. С. 36-45.

17. *Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г.* К вопросу об исламизации центра горной Аварии в XV в., на примере биографии хаджи Удурата из Гидатля // Кавказоведческие разыскания. 2016. № 7. С. 266-270.

18. *Мовчан Г.Я.* Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба: По материалам авторских обследований 1945 – 1964 гг. М.: ДМК Пресс, 2001.

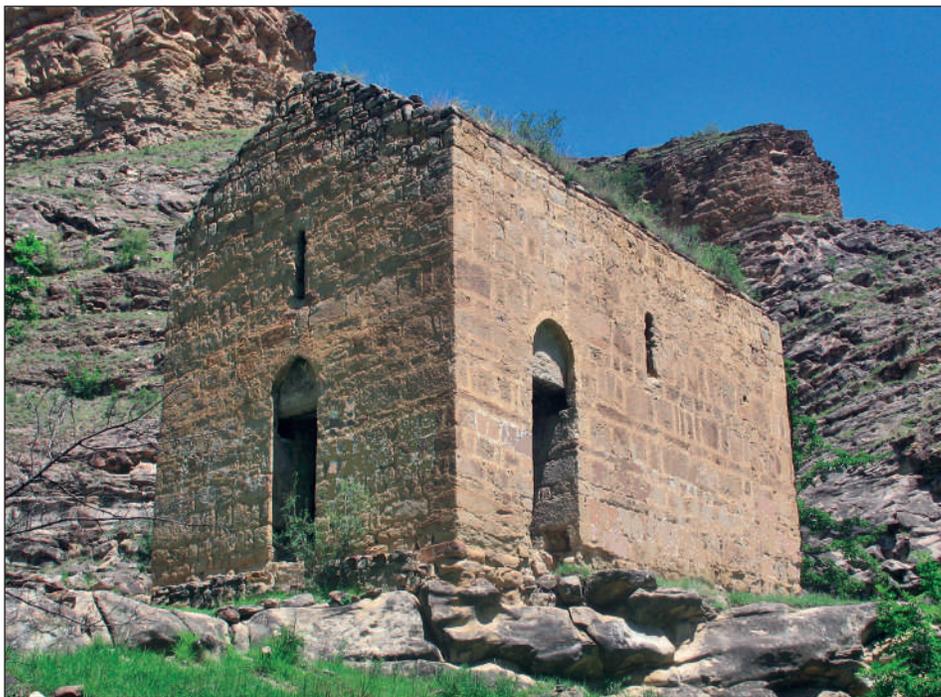
19. *Гванцеладзе Т.И., Гванцеладзе Г.Т., Хапизов Ш.М.* Грузино-арабский палимпсест из Дагестана (краткое сообщение) // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 4. С. 8-12.

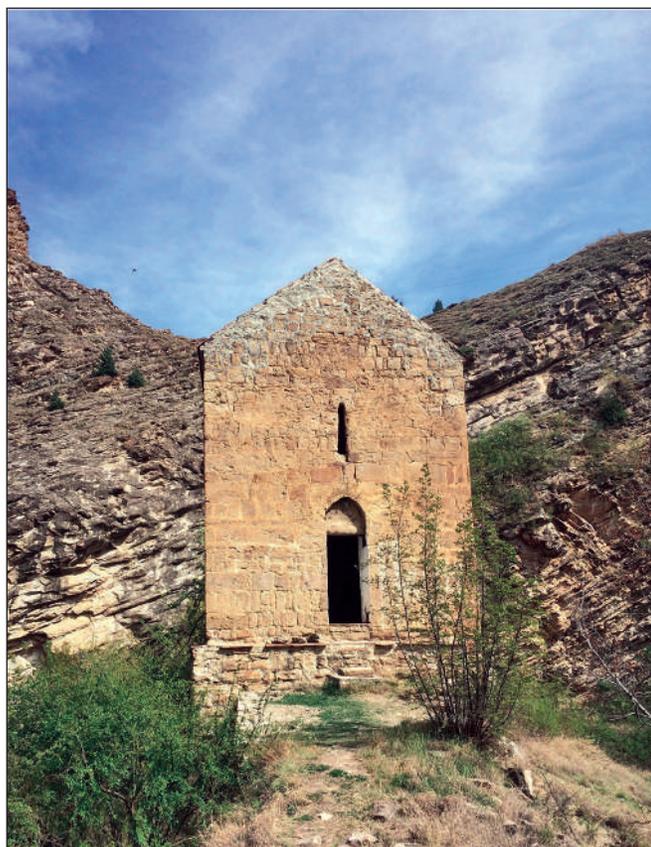
**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

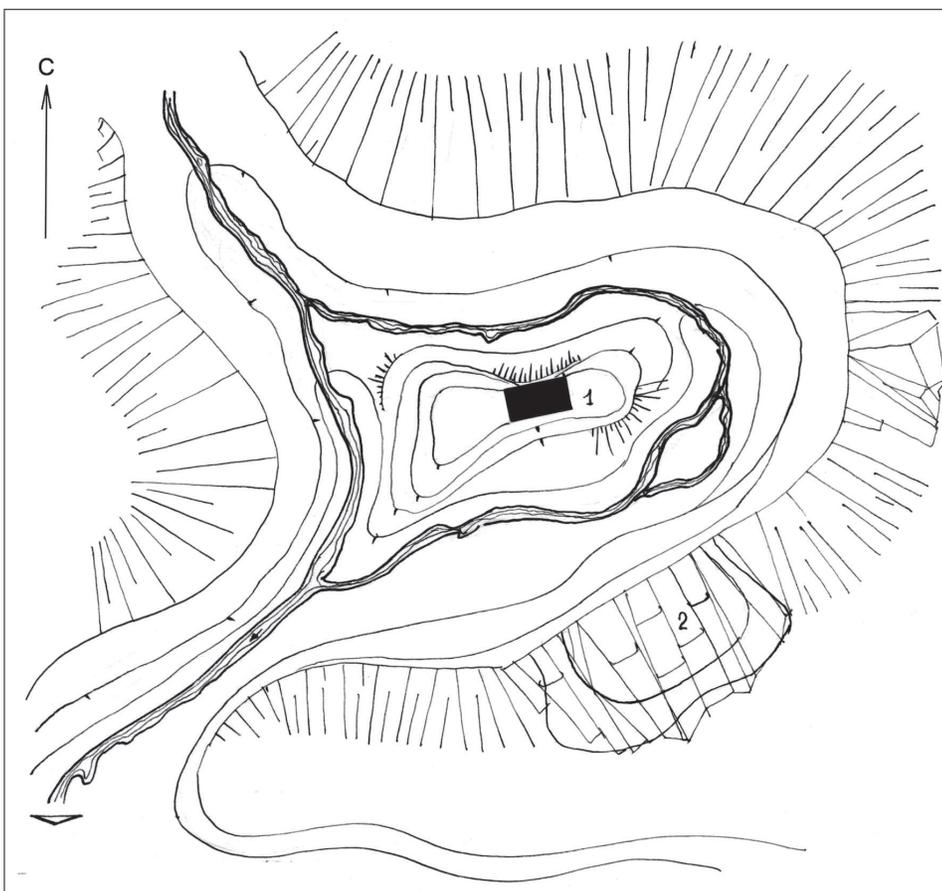

а

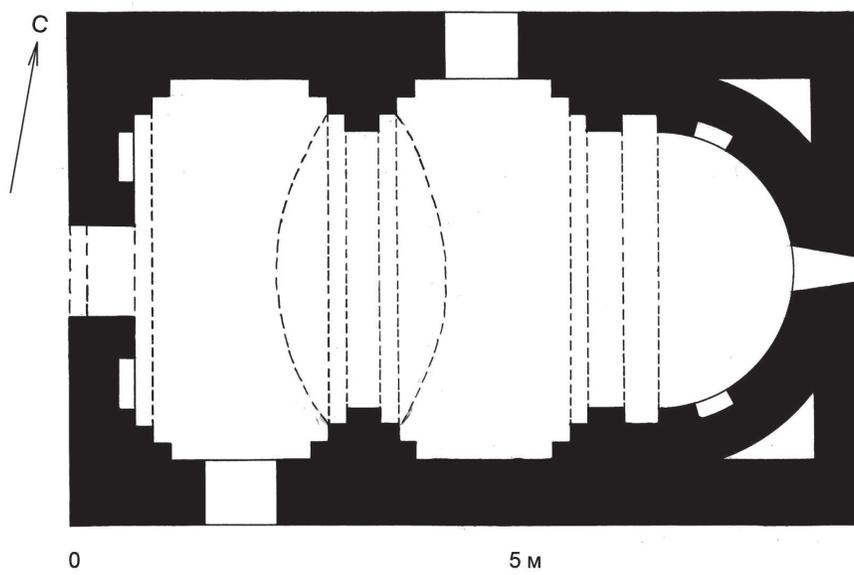

б

Рис. 1. Датунская церковь:
а – общий вид с ЮЗ;
б – центральный
(западный) фасад, вид
с запада.
Фото М.С. Гаджиева,
2018 г.

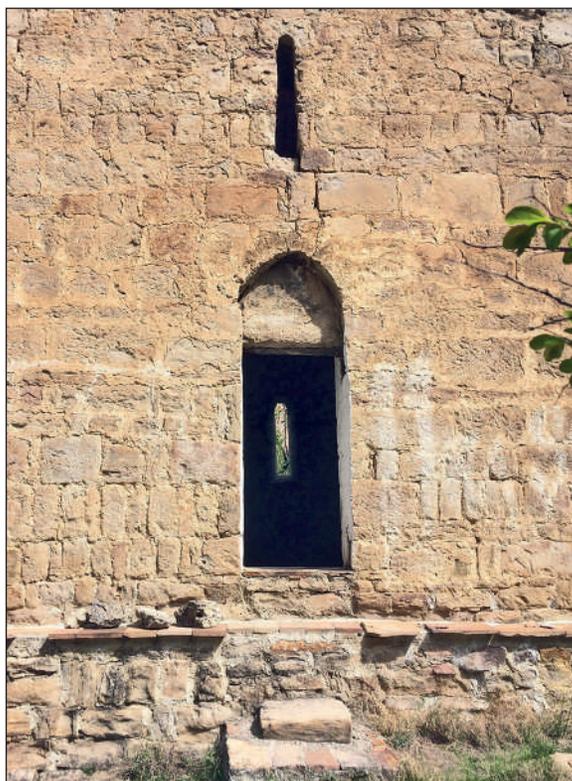

а

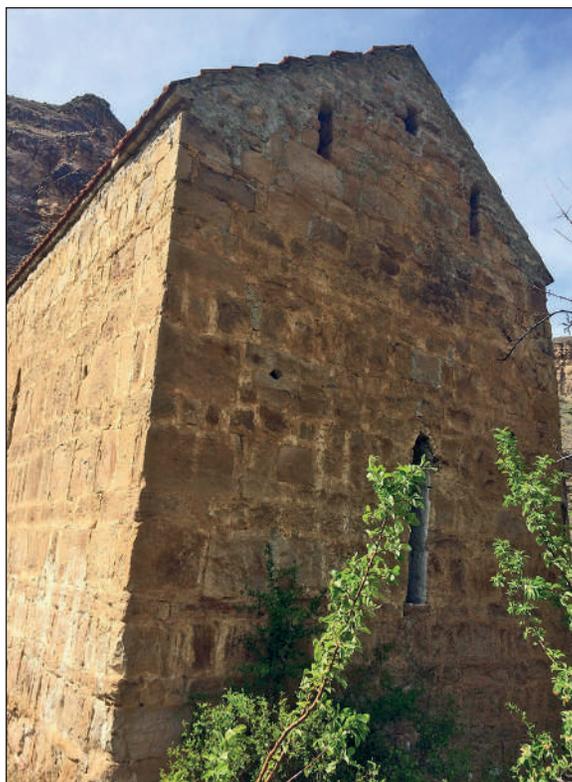

б

Рис. 2. Датунская церковь: а – генеральный план Датунской церкви и средневекового поселения; б – План Датунской церкви. Выполнены Г.М. Гузовой в 1976 г. Архив Агентства по охране культурного наследия РД

а

б

Рис. 3. Датунская церковь:
а – центральный вход, вид с запада; б – восточный фасад, вид с ЮВВ.
Фото М.С. Гаджиева, 2018 г.

а

б

Рис. 4. Датунская церковь:
а – полукруглая апсида;
б – интерьер, центральный вход,
вид с востока.
Фото М.С. Гаджиева, 2018 г.

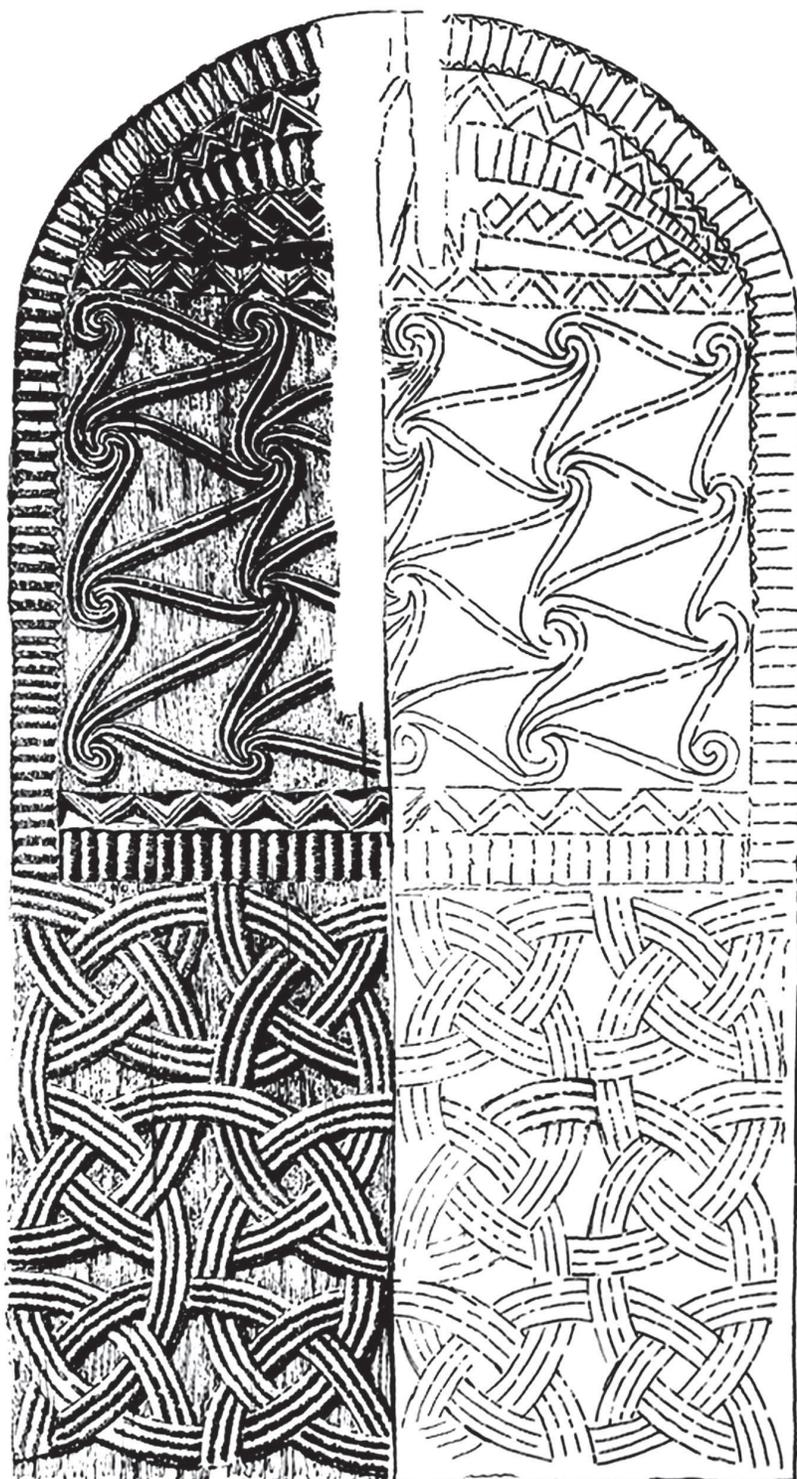

Рис. 5. Резная дверь (предположительно из Датунской церкви). Отгиск резьбы. Мовчан Г.Я.

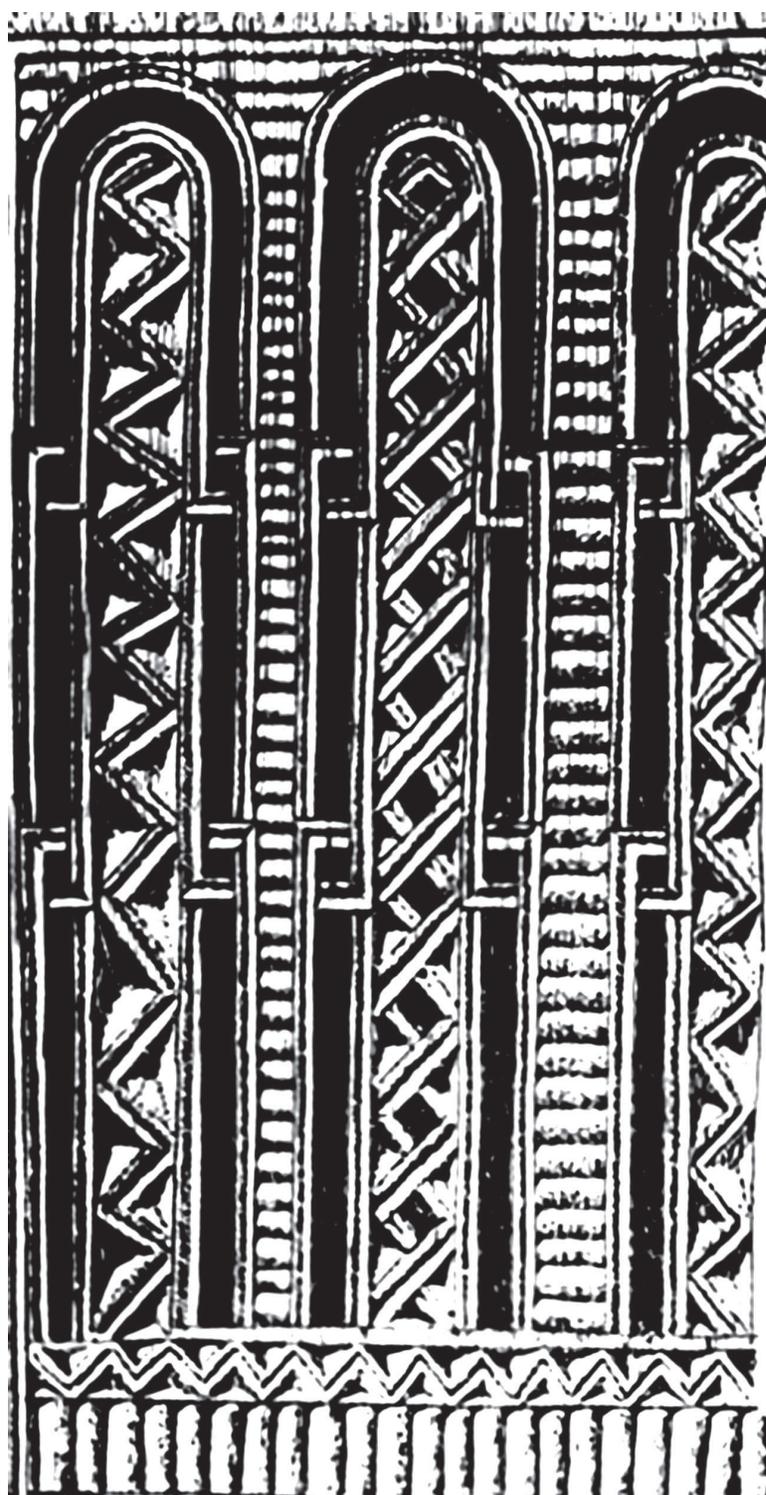

Рис. 6. Фрагмент резной деревянной перегородки (предположительно из Датунской церкви). Оттиск резьбы. Мовчан Г.Я.

*Мусаев М.А.,
Шихалиев Ш.Ш.,
Шехмагомедов М.Г.*

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКИ И РЕЛЬЕФЫ ВСАДНИКОВ С НАДМОГИЛЬНЫХ СТЕЛ ФАМИЛЬНОГО КЛАДБИЩА КАЙТАГСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Ныне заброшенное селение Кала-Корейш (Урцмуци) – крупный политический и культурный центр средневекового Восточного Кавказа, примечательный великолепными памятниками истории. В их числе фамильное кладбище уцмиев – правителей Кайтага с четырьмя десятками каменных надмогильных стел XIV – начала XIX в.¹, изготовленных с высоким мастерством, выделяющихся изысканностью орнамента, изяществом эпиграфических лент. Каждую стелу некрополя можно охарактеризовать как произведение искусства.

Эпиграфические диски

Один из декоративных элементов, встречающихся на стелах кладбища, – диски, заполненные эпиграфической вязью, или, иначе, – эпиграфические диски. Они сходны по стилистике, композиции и орнаментике и в различных вариациях встречаются на памятниках кладбища уцмиев второй половины XVI – конца XVIII вв.: W7, W13, Mau4, E8, E9, E10, E11, E13, E15, E18 (Рис. 3–13)².

Кроме того, диск видимо был высечен и на поврежденном памятнике W14.

На семи стелах E8, E9, E10, E11, E13, E15, E18 с незначительными расхождениями в последовательности (и с учетом восстановления утраченного содержания по контексту, о чем ниже) высечены следующие фразы; текст, упрощенная транслитерация и перевод:

1 Датировка стел уцмийского кладбища приводится в соответствии с выводами Магомедова М.Г. и Шихсаидова А.Р. [1, с. 47, рис. 42, 48, 49, 51], с которыми мы согласны.

2 Используется сложившаяся нумерация. Номера начинаются на Mau (от Mausoleum) для стел из мавзолея, на W (от West – Запад) для памятников западной части кладбища, на E (от East – Восток) для памятников, расположенных в его восточной части. См.: рис. 1, 2.

يا حنان (Йа, Ханнан): *О, Владелец милости!*
 يا منان (Йа, Маннан): *О, Дарующий блага!*
 يا ديان (Йа, Дайян): *О, Судия!*
 يا برهان (Йа, Бурхан): *О, Тот, кто является Доводом!*
 يا سبحان (Йа, Субхан): *О, Безупречный / Славный!*
 يا سلطان (Йа, Султан): *О, Владыка!*
 يا رحمان (Йа, Рахман): *О, Милостивый!*
 يا غفران (Йа, Гуфран): *О, Прощающий!*

На стеле Мау4 читаются еще две фразы:

يا تواب (Йа, Тавваб): *О, Принимающий покаяние!*
 يا امان (Йа, Аман): *О, Дарующий безопасность (спокойствие)!*

Эпиграфический диск на памятнике W7 несет на себе повторяющееся 8 раз обращение «يا رحمان» (Йа, Рахман): *О, Милостивый!*

Содержание фраз свидетельствует, что это мольбы к Богу о снисхождении в Судный День. Следует отметить, что из десяти выявленных обращений к Всевышнему, только два «Рахман» и «Тавваб» (без артикля «ал») входят в число классических 99 Прекрасных имен Аллаха. Также употреблено «Гуфран», имеющее два однокоренных с ним имени в числе 99 Прекрасных имен Аллаха – «ал-Гаффар» (Снисходительный) и «ал-Гафур» (Милующий).

Надписи все центростремительные, то есть начинаются от края круга и продолжаются к его центру. В центре диска каждая фраза, посредством удлиненной буквы «Алиф», встречается с другой (за исключением Мау4), которая начинается на противоположной стороне.

Надписи на эпиграфических дисках с упрощенной транслитерацией и их перевод с арабского на русский язык. Чтение указано по часовой стрелке.

Таблица

W7	W13	Мау4	E8	E9
يا رحمان О, Милостивый!	*	يا تواب О, Принимающий покаяние!	*	يا حنان О, Владелец милости!
يا رحمان О, Милостивый!	*	*	*	يا منان О, Дарующий блага!
يا رحمان О, Милостивый!	*	يا ديان О, Судия!	*	يا ديان О, Судия!
يا رحمان О, Милостивый!	*	يا برهان О, Тот, кто является Доводом!	*	يا برهان О, Тот, кто является Доводом!

يا رحمان O, Милостивый!	*	يا سبحان O, Безупречный / Славный!	يا سبحان O, Безупречный / Славный!	يا سبحان O, Безупречный / Славный!
يا رحمان O, Милостивый!	*	يا سلطان O, Владыка!	*	يا سلطان O, Владыка!
يا رحمان O, Милостивый!	*	يا رحمان O, Милостивый!	*	يا رحمان O, Милостивый!
يا رحمان O, Милостивый!	*	يا غفران O, Прощающий!	*	يا غفران O, Прощающий!
		يا امان O, Дарующий безопасность (спокойствие)!		
		*		
XVI-XVII в.	XVI-XVII в.	XVI-XVII в.	XVI-XVII в.	XVI-XVII в.

E10	E11	E13	E15	E18
*	يا حنان O, Обладатель милости!	*	يا حنان O, Обладатель милости!	يا حنان O, Обладатель милости!
*	يا منان O, Дарующий блага!	يا منان O, Дарующий блага!	يا منان O, Дарующий блага!	يا منان O, Дарующий блага!
*	يا ديان O, Судия!	يا ديان O, Судия!	يا ديان O, Судия!	يا ديان O, Судия!
*	يا برهان O, Тот, кто является Доводом!	*	يا برهان O, Тот, кто является Доводом!	يا برهان O, Тот, кто является Доводом!
*	يا سبحان O, Безупречный / Славный!	يا سبحان O, Безупречны й / Славный!	يا سبحان O, Безупречный / Славный!	يا سبحان O, Безупречный / Славный!
يا سلطان O, Владыка!	يا سلطان O, Владыка!	يا سلطان O, Владыка!	يا سلطان O, Владыка!	يا سلطان O, Владыка!
يا رحمان O, Милостив ый!	يا رحمان O, Милостивый!	يا رحمان O, Милостивы й!	يا رحمان O, Милостивый!	يا غفران O, Прощающий !
يا غفران O, Прощающи й!	يا غفران O, Прощающий!	يا غفران O, Прощающи й!	يا غفران O, Прощающий!	يا رحمان O, Милостивы й!
XVI-XVII в.	XVIII в.	XVIII в.	1737-38 г.	1788

Пояснения к таблице.

* – Текст эпитафического диска с памятника W13 не читается, т.к. утрачен из-за воздействия природных факторов.

* – Стела Mau4 обломана по горизонтали, нижняя часть эпитафического диска отколота и частично не поддается чтению.

* – Эпитафический диск нанесен на стелу E8 по шаблону или скопирован с другого памятника на глаз. Мастер не владел арабским языком и нанес арабский текст грубо, так, что он не распознается. Исследователи смогли заметить лишь обращение к Всевышнему (Йа, Субхан: О, Безупречный / Славный!), нанесенное на 10 часов по диску, если исходить из часовой позиции.

* – Нижняя часть эпитафического диска, выгравированного на стеле E10, отколота. Текст не читается.

* – Стела E13 обломана по горизонтали на две части. Одно из обращений к Богу прочитать не удалось.

Всадники

Еще один элемент декора, который привлек наше внимание – это рельефы всадников. Они имеются на стелах E11 и E16/E22 (Рис. 18–20)³. Впервые фотоизображения лицевых сторон данных памятников, обратив внимание на высеченных наездников, опубликовала Э.В. Кильчевская [2, с. 78, таблица VII, рис. 11; 3, с. 132, 133, 160, рис. 80, 81]. При этом она датировала стелы серединой XVI в. Мы полагаем, что надмогильные плиты относятся к началу XVIII в.

Подобные выводы основаны на аналогиях с точно датированными образцами памятников уцмийского кладбища. Лицевые стороны интересующих нас стел E11 и E16/E22 идентичны в композиционных решениях, орнаментике и эпитафике с надгробием E15. Схожи и тыльные стороны памятников, за небольшими исключениями. Наиболее заметное из них то, что вместо эпитафического диска, как на стелах E11 и E15, на плиту E16/E22 нанесен диск, заполненный цветочным орнаментом. Полагаем, стелы E11, E15, E16/E22 изготовлены одним и тем же мастером. При этом стела E15 персонифицирована и датирована. Как свидетельствует надпись, она установлена у изголовья могилы «эмира Хасана, убитого ... в году тысяча сто пятидесятом» (дата соответствует 1737–38 г.)⁴. Соответственно, стелы E11 и E16/E22 будет логичным датировать в пределах 20-х – 40-х гг. XVIII в.

3 Стела E16/E22 расколота на три части. Нижняя часть, оставшаяся на месте первоначальной установки, получила номер E16, две верхние части – номер E22.

4 Текст: (هذا القبر المرحوم امير حسن المقتول ... من تاريخ سنة الف و مائة و خمسون). В соответствии с правилами арабской грамматики должно было быть «خمسين». Перевод: «Это могила покойного эмира Хасана, убитого ... в году тысяча сто пятидесятом».

Изображения всадников, нанесенные на нижние части лицевых сторон стел E11 и E16/E22, находят прямые параллели между собой, одно во многом копирует другое. Наряду со сходствами в рельефных изображениях наездников, имеются и различия. Основное из них – всадник со стелы E16/E22 вооружен саблей и держит ее в правой руке. У всадника с памятника E11 сабли не имеется. При этом оба имеют колчаны со стрелами, кони заузданы и оседланы, хвосты их завязаны узлом.

Изображения изобилуют и иными деталями, например, отмечены уши коней, их глаза, украшения на конской шее. На руке, держащей саблю, распознаются пальцы. У всадника со стелы E11 подробно передана обувь. Видно, что она с мягкой подошвой, без каблука, прикрывает лодыжку (имеет форму полусапога). Возможно, обутая нога всадника была высечена и на изображении стелы E16/E22, но на данном участке рельеф поврежден.

Сравнение фото, сделанных в 60-х гг. XX в., с нынешним состоянием рельефов показывает, что появились новые повреждения. Например, на фото стелы E16/E22, опубликованных Э.В. Кильчевской, можно заметить широкий подол чухи (кафтана). Ныне эта часть рельефа отслоилась.

Следующая деталь, которая обращает на себя внимание, это изображение голов всадников. Они выполнены в форме симметричных трилистников. Причем они отличаются друг от друга в деталях. Трилистник с памятника E16/E22 имеет закругленные концы, а со стелы E11 – вытянутые и заостренные.

Принимая во внимание хоть несколько неуклюжую, но реалистичную передачу многих деталей изображений коней, всадников, одежды, снаряжения, можно было ожидать подобного и для головных уборов, но они явно отличаются от традиционных для региона, получивших описание в исторической литературе.

Возможно, мастер не мог изобразить лицо и реалистичный головной убор в виду ограничения, налагаемого малыми размерами рельефа. Попытка передачи лица на небольшом пространстве вылилась бы в карикатурное изображение общих выделяющихся деталей лица – глаз, носа, рта. Более точным и логичным объяснением все же видится религиозное ограничение на изображение человеческих лиц. Но в этом случае возникает вопрос, по какой причине головной убор не передан реалистичным? Данный вопрос сопряжен с другим, – почему голова всадника выполнена в форме трилистника?

Полагаем, что изображение реалистичного головного убора могло усилить нежелательное сходство с живым человеком. В пользу данного объяснения говорит то обстоятельство, что на многих

рельефах в соседнем с Кала-Корейшем Кубачи отбиты людские головы, но тела их сохранены. Передачу же на рельефе головы всадника в виде трилистника можно связать с местной традицией. В Кубачи, региональном культурном центре, во множестве известны каменные рельефы с изображениями людей, с головными уборами с тремя выраженными концами [См.: 4, с. 533–534, 538–539, рис. 234, 235, 246–249]. Кубачинские рельефы могли послужить основой идеи для передачи изображения головы в форме трилистника, несмотря на пропасть во времени между их созданием – XV в. и начало XVIII в. Здесь следует учитывать, что в региональной культурной традиции прослеживается многовековая преемственность. При этом, необходимо отметить, что в Кубачи не наблюдается рельефа, который мог бы быть интерпретирован как прототип для изображений голов всадников с уцмийского кладбища.

Псевдовсадник или ложный всадник

Еще один интересный элемент декора выявлен нами на памятнике Маул.

Данная стела датирована и персонифицирована. На верхнем центральном поле лицевой части плиты высечено:

هذا المرقد السعيد الشهيد المحتاج الى رحمة الملك المنان محمد خان بن سلطان أحمد سنة خمس و ألف ها

Перевод:

Это – усыпальница счастливого мученика, нуждающегося в милости Владыки, Дарующего блага, Мухаммад-хана, сына Султан-Ахмада. Год тысяча пятый по хиджре⁵.

1005 г. хиджры начался 25 августа 1596 г. по григорианскому календарю, т.е. Мухаммад-хан умер во второй половине 1596 или первой половине 1597 г.

Кроме указанной надписи, на лицевую сторону стелы выемкой фона нанесены несколько аятов из разных сур Корана, а также один хадис. Плита орнаментирована со всех видимых сторон – лицевой, тыльной, торцов. На тыльной стороне памятника в центральной его части высечено изображение оседланного коня, воинского снаряжения, знамени. К сожалению, доступ к нему осложнен плотно прилегающей к стеле несущей стеной мавзолея (10–12 см.), построенного позднее⁶.

⁵ Данная надпись ранее была прочтена Л.И. Лавровым по оттиску Б.А. Дорна [5, с. 153] и А.Р. Шихсаидовым [1, с. 46].

⁶ Мавзолеем построен в 1900 г., о чем свидетельствует надпись на камне, вложенном во внешний свод купола.

Нами сняты слепок и эстамп рельефа, получены фото под различными углами, которые дают представление об изображении (Рис. 15, 16)⁷.

Отметим, что рельеф, как и весь памятник, раскрашен с использованием красок разных цветов – черного, синего, зеленого, красного.

Вороний конь изображен в момент начала прыжка. Из элементов сбруи распознаются седло, поводья и подбородный (шейный) ремень. Последний имеет свисающее украшение (?). Хвост коня завязан узлом. Обращает на себя внимание его неестественный глаз.

За крупом коня показан круглый щит. В его центре распознается умбон, от которого расходятся лучи, закрашенные поочередно красным и зеленым цветом. За щитом видны верхние части ретрофлексного (по всей видимости) лука и колчана. Последний заполнен стрелами без оперения. Там же изображена сабля типа шамшир. Резчик ко всему прочему выгравировал цепочку, подвешенную между гардой (концом крестовины) и навершием (головкой рукояти).

Вся композиция составлена таким образом, что создается впечатление присутствия всадника на коне. При этом щит выступает туловищем, колчан головой, а наличие лука увеличивает отмеченный эффект.

Частью композиции является флаг с длинным древком. Нижний его конец имеет заостренный наконечник, т.е. древко может служить копьем. Полотнище флага треугольное, удлиненное по горизонтали, нанесено так, что кажется, что оно развивается на ветру. Навершие стяга имеет такую же форму как один из элементов декора с кладбища уцмиев. Он встречается на множестве стел XVI–XVII вв. как розетка в центре верхней части эпиграфической ленты.

Необходимо отметить, что нижний конец древка не упирается в землю, а висит в воздухе. Это создает впечатление того, что его держат в руках. Этот прием усиливает впечатление наличия наездника, так же как и то, что конь находится в движении.

Если бы изображение не было раскрашено, то невозможно было бы выявить, что это не всадник в папахе. Таким образом, данный рельеф мы можем назвать псевдовсадником или ложным всадником.

Необходимо указать, что стела Mau1, имея прямоугольную в фас форму, является нетипичным образцом для некрополя. На нем преобладают памятники уцмийского стиля, характеризующиеся трапециевидной (сужающейся книзу) формой с фигурным верхом, наличием эпиграфической ленты по периметру, определенным стилем в орнаментировке.

⁷ Необходимо отметить, что один из авторов данного исследования видел рисунок данного псевдовсадника в одном из альбомов, но вспомнить в каком и найти изображение, несмотря на поиски, не удалось.

Некоторые элементы декора лицевой части встречаются аналогии с единовременными стелами в Закавказье [См.: 6, рис. 174; 7, рис. 287]. О внешнем влиянии говорят и надписи, хотя и выполненные традиционным для Дагестана насхом, но с некоторым воздействием сульса, не получившего распространения в регионе. Тыльная сторона имеет почти полную копию.

Это стела, установленная в пос. Маштага на Апшеронском полуострове (ныне Азербайджанская Республика), и датирующаяся 1020 г.х., что соответствует 1611–12 г. Также как и на калакорейшском памятнике, на маштагинской стеле центр композиции составляет рельефное поле со стреловидной аркой. По его краям расположены четыре розетки. Ниже нанесен идентичный по стилистике, внешнему контуру и элементам декор. В поле изображен всадник [См.: 6, с. 74, рис. 181].

Рельефы с изображениями оседланных коней вкупе с оружием, доспехами и элементами одеяния отсутствующего наездника встречаются в Дагестане, но датируются более поздним периодом. Единственная аналогичная стела, датированная этим же периодом, т.е. –XVI в., выявлена в сел. Хамзалы⁸ и относится к ширвано-апшеронской школе резьбы по камню [7, с. 66, 271, рис. 451]. Изображение же отсутствующего наездника – исключительное явление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомедов М.Г., Шихсаидов А.Р. Кала-корейш (Крепость курейшитов). Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2000. 168 с. + 62 илл.
2. Кильчевская Э.В. Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962. – 83 с. + илл.
3. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука, 1968. – 208 с.
4. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: ИД «Эпоха», 2014. – 592 с.: ил.
5. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966. С. 153
6. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. I: арабо-персо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона XI – начала XX века. Баку: ЭЛМ, 1991. – 248 с.
7. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. II: арабо-персо-тюркоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны (XIV – начало XX века). Баку, 2001. – 368 с. (с илл.).

8 Ныне в Кабалинском районе Азербайджанской Республики.

Рис. 1. Расположение стел с эпитафическими дисками в западной части кладбища

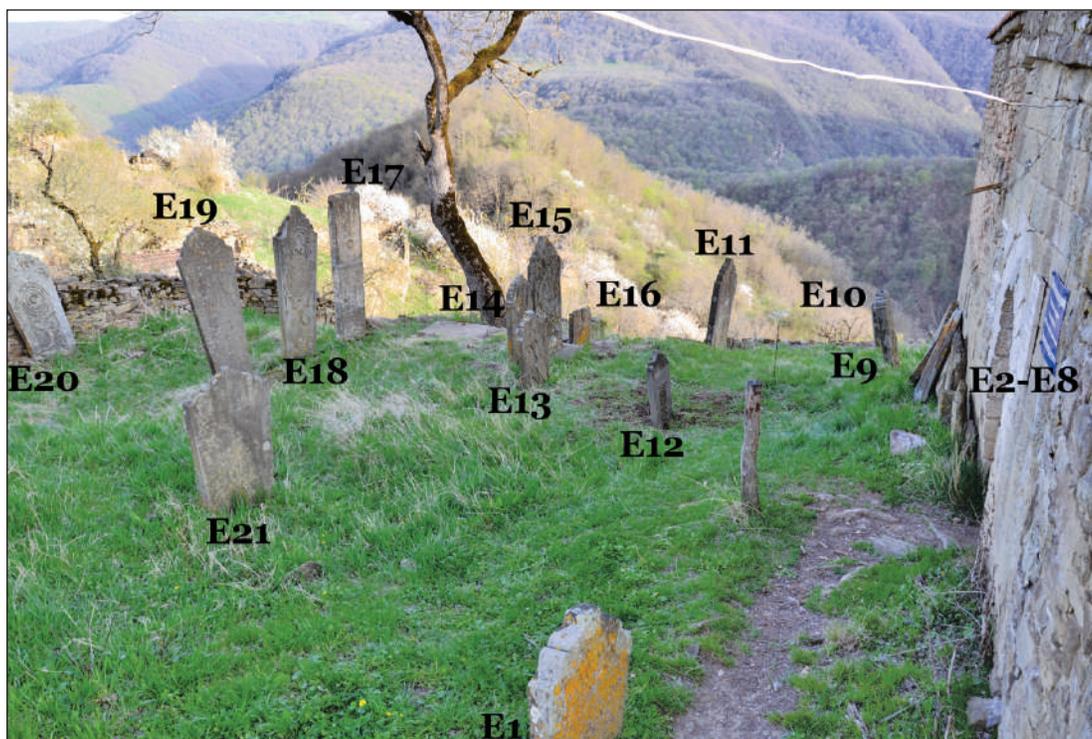

Рис. 2. Расположение стел с эпитафическими дисками в восточной части кладбища

Рис. 3. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы W7

Рис. 4. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы W13

Рис. 5. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы Mau4

Рис. 6. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы E8

Рис. 7. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы E9

Рис. 8. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы E10

Рис. 9. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы E11

Рис. 11. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы E13. Нижняя часть

Рис. 10. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы E13. Верхняя часть

Рис. 12. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы E15

Рис. 13. Эпиграфический диск на тыльной стороне стелы E18

Рис. 14. Лицевая сторона стелы Mau1

Maui

Рис. 15. Фото рельефа ложного всадника с тыльной стороны стелы Maui

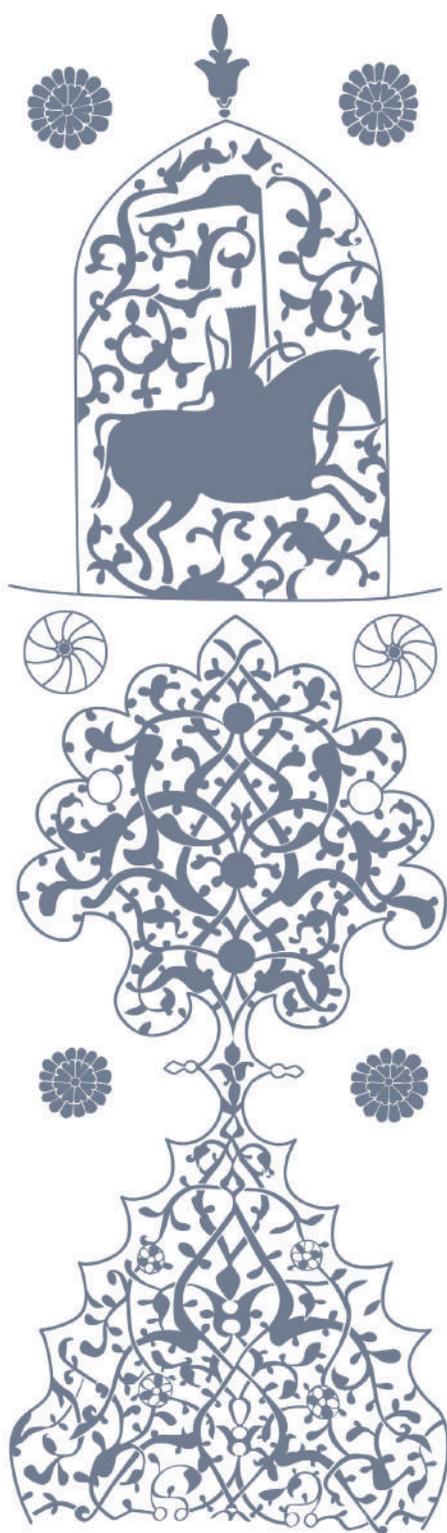

Рис. 17. Участок кладбища со стелами E11 и E16/E22

Рис. 18. Рельеф всадника со стелы E11

Рис. 20. Рельеф всадника со стелы E16/E22

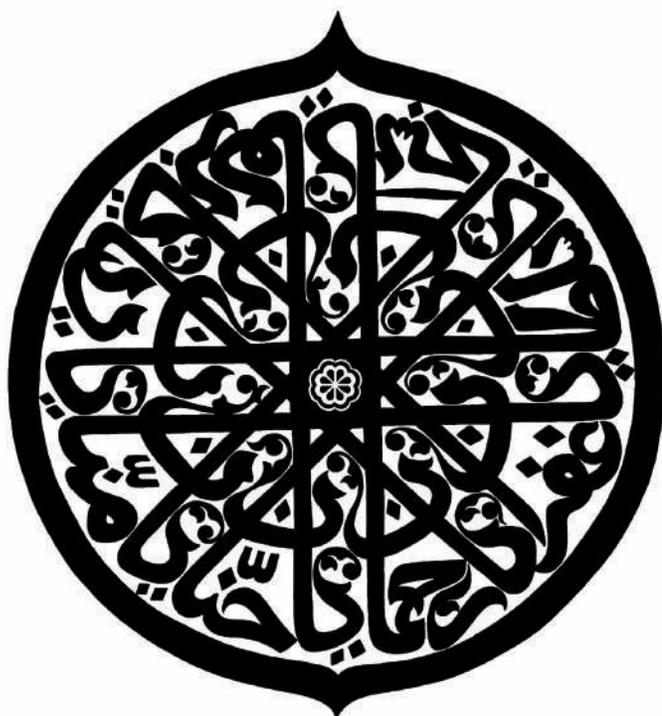

Рис. 21. Прорись эпитафического диска со стелы E18

Мусаев М.А.,
Магомедов М.Г.

ДАТИРОВКА НАМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ ОРУЖИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ СТЕЛ КЛАДБИЩА ПОСЕЛЕНИЯ СУЛЕВКЕНТ)

Специалисты, изучающие дагестанские намогильные памятники, при отсутствии конкретной даты на самом надгробии или невозможности определить ее по содержанию надписи или анализу текстов, используют несколько методов датировки по внешним признакам. Самый распространенный из них – это определение времени создания памятника по особенностям начертания (шрифтов) текстов. Также применяется анализ орнаментировки. Ключами к данным способам служат датированные памятники, внимательно изученные и классифицированные. Всякий из этих методов зачастую применяется изолированно, первый – эпитафистами, второй – искусствоведами. Между тем каждый из них имеет свои недостатки, и очевидно, что наибольшей эффективности выполнение задачи датирования достигается при комплексном применении.

Принимая это во внимание, в трудах по изучению намогильных памятников, нами эти методы используются в совокупности, в том числе учитывая формы и степень обработки надгробий, расположение надгробия на кладбище.

Еще одним из способов датировки памятника может служить изучение предметов, изображенных на них, в частности оружия. Подобные исследования на дагестанском материале не проводились, и мы решили применить данный метод на последнем из кладбищ, которое изучили в процессе ежегодных эпитафических экспедиций. Оно находится в Дахадаевском районе Дагестана в заброшенном поселении Сулевкент (в оригинале Сулевка), расположенном в глубоком ущелье на левом берегу р. Кинтуракотты под Амузги и Кубачи, известными центрами изготовления оружия. На противоположной стороне реки находится несколько полуразрушенных зданий и местное кладбище (координаты: 42°04'21.1»N 47°37'24.9»E). Из историографии известно лишь об одном памятнике поселения [1, с. 84–85]¹. Следует

¹ Л.И. Лавров, не побывавший на месте и использовавший фотографию, прочитал надпись как «*Обладатель этого Лаказ б. Сулейман. 666 год*». Данная стела нами не обнаружена, в то же время мы ставим под сомнение данное чтение, прежде всего по той причине,

отметить, что на всем сулевкентском кладбище можно обнаружить лишь считанные единицы профессионально изготовленных стел, а точнее три. Все они относятся к уцмийскому стилю, и, видимо, изготовлены приглашенными мастерами. Остальные же стелы кладбища, кроме вышеуказанных, достаточно примитивны в своем исполнении и орнаментике. Очень мало стел, на которых встречаются надписи, соответственно, имеющих указание на время их создания.

Среди множества памятников, свидетельствующих о том, что кладбище использовалось как минимум с XIV в. до середины XX в. мы обнаружили четыре стелы с изображением оружия. Все они не датированы.

А) Вертикальная плоская плита с примитивной орнаментикой. Внизу нанесены изображения сабли, кремниевых пистолета и ружья (рис. А). Выше имеется врезная надпись: ... زذ باك خ ج ...

Данную надпись можно прочесть по буквам «З.З.Б.К. Х.Дж» и интерпретировать как имя Зазабек-хажя(?).

Б) Вертикальный памятник с простейшей орнаментикой. Мастер осуществил попытку придать стеле форму, характерную для уцмийского стиля, и изобразить центральную розетку. На нижнюю половину нанесены изображения копья, сабли лезвием вниз, кремниевых ружья и пистолета, пороховницы, кинжала и подсумка для газырей (рис. Б).

Имеется врезная эпитафия на арабском языке:

صاحب هذا القبر قربان بن يوسف غفر الله لهما و لجمع (...)

Перевод:

Хозяин этой могилы Курбан, сын Йусуфа, да простит им Аллах и всем [мусульманам].

В) Сохранившаяся нижняя часть вертикальной стелы (рис. В). На ней, простовато оформленной, имеются остатки врезных надписей, а также изображения кремниевых ружья и пистолета, сабли лезвием вверх, подсумка для газырей, пороховницы и пики. Справа от пики изображены два неидентифицированных нами элемента, возможно, это не предметы, а декор.

Г) Вертикальная плита с заостренным верхом. Надписи отсутствуют, а орнаментика примитивна (рис. Г). На стеле имеются изображения кремниевых ружья и пистолета, сабли, пороховницы, подсумка для газырей. Просматривается изображение кинжала, но его профиль едва различим. Отличие от предыдущих стел в изображении оружия заключается только в том, что ствол ружья передан не одной врезной полосой, а двумя, также отсутствует спусковая скоба.

что дата указана цифрами, что весьма нехарактерно для памятников, датирующихся XIII в., а конкретнее 1267–68 г.

К отмеченному выше следует присовокупить, что все изображения врезные, а на памятнике А оружие направлено в правую сторону, в отличие от всех других. Также следует указать, что стелы Б и В очевидно изготовлены одной рукой.

Интересно, что все четыре памятника расположены невдалеке друг от друга. При этом практика показывает, что зачастую в один и тот же период захоронения производятся на одном и том же участке кладбища.

Не лишним будет указать, что на этом же участке имеется еще один заслуживающий внимание образец (Д). На нем изображены ножницы и ковер² (рис. Д), что свидетельствует о том, что вероятно погребенная занималась ковроткачеством. На данном памятнике, верху которого придано закругление, имеются надписи:

صاحب هذا القبر) فاطم (в верхней части стелы)
فاطم بن(ت) عط (?) (в нижней части стелы)

Надписи, нанесенные с орфографическими и стилистическими ошибками, переводятся, соответственно, как «Хозяин этой могилы Фатима» и «Фатима, дочь 'Ата (?)».

На всех рассматриваемых стелах (А, Б, В, Г) встречаются изображения кремниевых пистолетов и ружей. Они схематичные, но достаточно подробные и позволяющие получить представление о строении спусковых механизмов, типах замков, строении лож и общих пропорций оружия. Период широко го распространения подобных образцов продлился вплоть до 80-х гг. XIX в.

В дальнейшем данное оружие приобрело функционал декоративного.

На памятниках также встречаются изображения патронташей (газырниц) в виде подсумков для ношения на ремне через плечо. Такой тип бытования газырниц отмечается вплоть до 50-х гг. XIX в., когда газыри в Дагестане стали массово носить на груди. Детальное изображение данного предмета можно увидеть на рисунке В.Ф. Тимма, сделанном с натуры в 1849 г. [2, с. 280, 282–283]. Он же демонстрирует не завершившийся переход от одного способа ношения газырей к другому, поскольку на этом же рисунке присутствует воин с газырями на груди.

Пороховницы можно наблюдать на трех стелах. Они массивны и предназначены для ношения на ремне через плечо. По геометрии их можно отнести к более ранним образцам. При этом следует учитывать, что, возможно, некоторые элементы пороховницы не изображены, поскольку резьба по камню схематичная.

Как мы видим из описания содержащихся на памятниках огнестрельного оружия и их атрибутов, верхняя дата памятников может быть установлена в пределах середины XIX в. Нижняя же дата определяется началом широкого бытования огнестрельного оружия в регионе. Сложность в том, что исследования по данной проблематике отсутствуют. Чтобы иметь определенное представление об этом необходимо привести несколько примеров.

Невдалеке от Сулевкента на кладбище уцмиев в Кала-Корейше имеется надгробие с изображением оружия. Памятник датирован 1005 г. хиджры, что соответствует 1596/97 г. На плите не встречается изображение огнестрельного оружия [3, с. 37–38]. Учитывая, что в могиле захоронен представитель правящей династии, соответственно обладавший возможностью приобретения оно, есть соблазн полагать, что в конце XVI в. в Дагестане огнестрельное оружие не использовалось. Но в данном случае следует учитывать, что изображение в большей степени могло быть данью традиции, нежели отражением реалий. На эту мысль наталкивает тот факт, что известна во многом идентичная стела со схожим сюжетом, расположенная в сотнях километрах к югу, на Апшеронском полуострове, датированная 1020 г. хиджры (1611/12 г.) [4, с. 74, рис. 181]. Об этом также могут свидетельствовать памятники с того же кладбища уцмиев в Кала-Корейше. Там, на двух намогильных камнях имеются идентичные изображения с колчанами и стрелами, огнестрельного же оружия не имеется, при этом стелы датируются первой половиной XVIII в. [5, с. 264–265], когда огнестрельное оружие в регионе широко применялось.

К рубежу XVII–XVIII вв. относится сообщение голландского географа Н. Витсена, что в Дагестане, в частности в Тарки, еще использовали лук и стрелы [6, с. 24]. При этом И.-Г. Гербер, обстоятельно изучивший Дагестан в 20-х гг. XVIII в., относительно того же Тарки указывает, что местные жители *«все оруженны оружием огненным, добрыми саблями и многие в панцерах; луков и стрел мало употребляют»*. Он же оставил наиболее системное описание вооружения дагестанцев. Из него следует, что все вооружены огнестрельным оружием, лук и стрелы употребляют крайне редко. Лишь относительно ногайцев, кочевавших в районе Сулака, и горных табасаранцев, отмечено, что огнестрельного оружия они не имеют. Также сообщается об относительно широком использовании неогнестрельного (метательного) оружия в горах Дагестана, а также Эндирее и Аксае. Относительно той части Дагестана, где расположен Сулевкент, И.-Г. Гербер сообщает следующее: *«Хайтаки и Карахайтаки ... – люди воинские, доброконные и храбры, употребляют все огненное оружие и добрыя сабли»* [7, с. 69, 71, 74–75, 77, 83, 86, 104, 112, 114.].

Под «все» следует понимать так, что ими применялись в том числе и пушки.

В.Г. Гаджиев, глубоко проанализировавший сообщение И.Г. Гербера, отмечает, что «имеющийся фактический материал убедительно показывает, что огнестрельное оружие – пищали русского производства – в Дагестане, в том числе и Кайтаге, употреблялись с XVI в.» [8, с. 121]. Однако исследователь не приводит конкретных источников, позволивших ему сделать подобный вывод. Отметим лишь, что из одного из документов следует, что один из кайтагских беков к 1635 г. обладал несколькими пищалями [9, с. 131].

Таким образом, мы можем отметить, что если исходить из анализа огнестрельного оружия, рассматриваемые сулевкентские памятники датируются в пределах XVIII в. При этом нижняя дата определяется отсутствием изображения лука и стрел на стелах.

Среди изображений дважды встречаются кинжалы. Одно из изображений не четкое, но при этом позволяет увидеть, что он имеет ярко выраженную клиновидную форму (близкую к строгому клину). На втором памятнике изображение клинка более информативное. Кинжал массивный, с широким клиновидным лезвием (близким к строгому клину). Строй клинка позволяет отнести его к периоду не позднее конца XVIII в. Вывод основан на том, что датированные и датируемые кинжалы указанного типа клиновидной формы не встречаются в регионе в XIX в.

На трех стелах можно увидеть сабли. Все они большой кривизны, с крупными крестообразными гардами, имеющими расширения на концах, и с навершиями, изогнутыми в сторону лезвия. То есть сабли представляют собой классические образцы «восточного типа», или «шамшира». Подобное оружие бытовало в регионе вплоть до начала XX в. Однако, следует отметить, что широкое распространение этот тип холодного оружия получил в Дагестане до последней трети XVIII в. С этого времени началось их вытеснение более легким видом длинноклинкового оружия – шашкой. Учитывая, что на стелах есть три изображения сабли, но ни одного изображения шашки, то можно предположить, что время бытования шашки к моменту создания стелы еще не наступило.

На одной из стел имеется изображение копья, на другой – пики. Отличия между ними в следующем: на конце древка пики имеется круглое навершие или упор, и форма боевого наконечника узкая клиновидная, вероятно, граненая; у копья – наконечник широкий и листовидной формы, а упор отсутствует.

Нам мало известно об использовании пик и копий дагестанцами в боях. Из документов, исследованных нами, удалось лишь выявить, что пики применялись войсками Надир-шаха в битвах в Дагестане

в 1741–43 гг. В частности, в 1742 г. в одном из сражений воины из племени бахтиаров принесли своему полководцу две сотни голов убитых ими акушинцев, насаженных на пики³. Исходя из этого описания боя, мы можем допустить, что, возможно, дагестанцы использовали пики в XVIII в., как и их противники. При этом в среде знатоков вооружения бытует мнение, что пики не имели распространения в регионе, поскольку опытный воин, вооруженный саблей, имел преимущество в бою. Кроме того, нам известно множество описаний боевых действий с участием дагестанцев начала XIX в., и мы не встречали упоминания о применении ими пик и копий.

Если суммировать результаты анализа вооружения, изображенного на стелах, то можно прийти к выводу, что памятники относятся ко второй – третьей четвертям XVIII в. Датирующими элементами служит не только то, что изображено на памятниках, но и то, что отсутствует. В данном случае нет луков со стрелами и шашек. Первые, по всей видимости, практически вышли из употребления к середине XVIII в., а вторые начали употребляться незадолго до начала XIX в. В то же время наличие пики и копья позволяет уточнить верхнюю дату памятников в пределах конца третьей четверти XVIII в.

В погребальной культуре Дагестана имеются примеры того, что мастер, нанося изображения на стелу, пытался охарактеризовать захороненного. На этом же сулевкентском кладбище имеется плита, на которой изображены ковер и ножницы, отсылающие нас к тому, что погребенная была коврощицей. В данном случае определенно стелы должны были продемонстрировать, что в этом месте лежат воины. Допустимой была бы специализация захороненных как охотников, если бы не было изображений сабли и пистолета – элементов вооружения, явно лишних на охоте.

Учитывая, что погребенные воины и захоронения относятся к середине XVIII в., то есть вероятность того, что они пали в сражениях с войсками Надир-шаха в пределах лета 1741 – конца 1742 г.

Если исключить изображения предметов на стелах, то все рассматриваемые нами образцы, учитывая содержание имеющихся надписей, способов их нанесения, форму и степень обработки памятников, а также их орнаментику в привязке к общей характеристике всего некрополя, могли бы датироваться в очень широких пределах – с XVI по начало XX в. То есть, в определенных случаях, анализ изображенных предметов может служить не дополнением к иным методам уточнения или подтверждения датировки, а единственным его средством.

Изучение вооружения, как датирующих элементов надмогильных стел, показывает, что имеется необходимость исследования его

³ Реляция Братищева (август 1742 г.) // Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 5. Ч.1. 1742 г. Л. 251-252.

региональной истории. В подобном изыскании важную роль могут сыграть датированные надмогильные камни с изображениями оружия. Учитывая это обстоятельство, перед учеными эпиграфистами и искусствоведами, проводящими работу по выявлению памятников, становится актуальной постановка задачи по фиксации изображений образцов вооружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966. 300 с.

2. *Полчаева Ф.А.* Использование визуальных источников и историческом исследовании (на примере иллюстраций В. Ф. Тимма) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 15. № 3. 2019. С. 376–389.

3. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г.* Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше. Махачкала: МавраевЪ, 2019. 180 с.: ил.

4. *Неймат М.С.* Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. I: арабо-персо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона XI – начала XX века. Баку: Элм, 1991. 248 с.

5. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г.* Эпиграфические диски и рельефы всадников с надмогильных стел фамильного кладбища кайтагских правителей // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. №2. С. 259–281.

6. *Лавров Л.И.* Тарки до XVIII века // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Т. IV. Махачкала, 1958. С. 12–25.

7. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. С. 60–120.

8. *Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курюю находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 271 с.

9. №58. 1635 г. сентября 20. – Две челобитные царю Михаилу Федоровичу кайтагского посла Бадархана о возвращении ему денег и пищалей, взятых жителем г. Терки, и о разрешении купить в Астрахани ясырей // Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы). Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. С. 131–132.

instituteofhistory.ru

Рис. А

Рис. Б

Рис. В

Рис. Г

Рис. Д

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ СБОРНИКА

Атаев Гамзат Дибирович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела археологии Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
ataevgd@mail.ru

Ахундов Туфан Исаак-оглу,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана

Гаджиев Муртазали Серажутдинович,

доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом
археологии Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
murgadj@rambler.ru

Гмыря Людмила Борисовна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН
lgmyrya@mail.ru

Дуңцов Алексей Николаевич,

аспирант Института классического Востока и античности
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики»
bar.ieremias@gmail.com

Магомедов Мурад Газиевич,

кандидат педагогических наук, советник министра культуры
Республики Дагестан
dnc.murad@mail.ru

Мусаев Махач Абдулаевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, руководитель
Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан
mahachmus@yandex.ru

Ханизов Шахбан Магомедович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН
markozul@mail.ru

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич,

научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
shehmagomedov.magomed@yandex.ru

Шихалиев Шамиль Шихалиевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель научной группы археологии и источниковедения
Института истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН
shihaliev74@mail.ru

Научное издание

**ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА:
сборник статей
Книга вторая**

Ответственный редактор
Мусаев М.А.

Корректор
Капанова Л.Ш.
Верстка
Раджабова С.Ш.

instituteofhistory.ru

Подписано в печать 18.10.2024.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.
Печать
Тираж

instituteofhistory.ru

